21
ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
10 АВГ 1936

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Понедельник, 10 августа 1936 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР № 45 (608)

ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ ГЕРОЯМ-ЛЕТЧИКАМ, СТАЛИНСКИМ ПИТОМЦАМ товарищам ЧКАЛОВУ, БАЙДУКОВУ, БЕЛЯКОВУ!

ПРИВЕТ ПОКОРИТЕЛЯМ ВОЗДУШНЫХ ПРОСТРАНСТВ!

Покорителям воздушных пространств, Героям Советского Союза Чкалову, Байдукову и Белякову, пламенный привет. Совершив беспримерный в истории авиации перелет по сталинскому маршруту, советские летчики доказали, что они являются подлинными большевиками, достойными своего великого вождя Сталина, достойными своей социалистической родины.

М. КАЛИНИН.

Героям страны Советов, неустрашимым пилотам сталинского маршрута, славным сынам нашей великой родины тт. **Чкалову, Байдукову и Белякову,** Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов шлет пламенный привет и поздравляет с величайшей победой.

Секретарь Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов Н. ШВЕРНИК.

Привет героическим летчикам, победителям пространств и суровой природы!

Мы гордимся не просто спортивными рекордами, а рекордами выдержки, отваги, упорства и техники.

Мы гордимся нашими летчиками, конструкторами, инженерами.

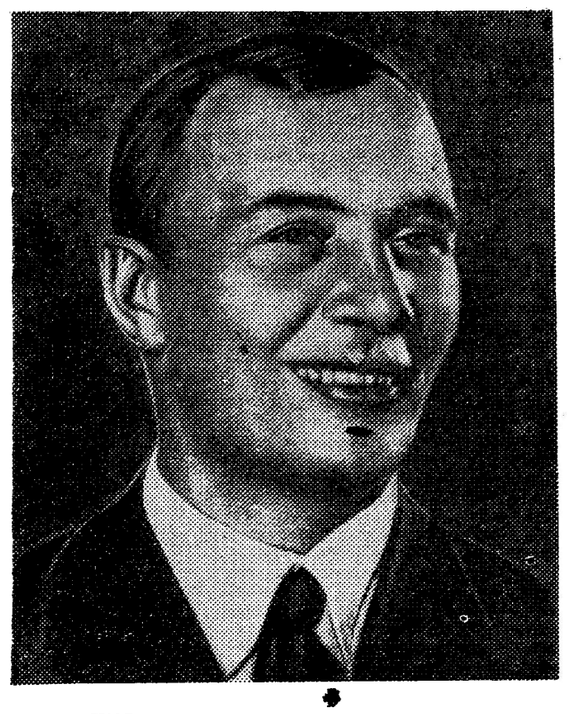
Мы гордимся нашими самолетами!

Мы гордимся тем, что лучшие и самые совершенные орудия советской техники служат делу изучения и покорения природы в интересах трудящегося человечества!

Ваш перелет — большая победа людей, воспитанных великим Сталиным, людей новой эпохи.

Страна, воспитывающая таких людей, страна, руководимая вождем народов Сталиным, — непобедима.

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР.



ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВАРИЩИ В. П. ЧКАЛОВ, Г. Ф. БАЙДУКОВ и А. В. БЕЛЯКОВ

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО ПЛЕМЕНИ

Никому неизвестный американский пилот почтовой линии Чарльз Линдберг в 1927 г. перелетел впервые в истории человечества Атлантический океан. Он был один на самолете, никто, кроме его матери, не знал о полете. Когда самолет Линдберга приземлился на французском аэродроме, имя Линдберга облетело весь мир. Гордый герой-одиночка, боящийся конкуренции капиталистического мира, в котором человек человеку — волк, тайком от всех завоевал себе мировую славу. Там, в мире эксплоатации и насилия, герой — одинок, он стоит над толпой. Там личная слава и жесточайшее честолюбие, движимые жаждой обогащения, поднимают героев к жизни.

Слава героев в мире социализма иная. Это слава социалистической родины. Герой Советской страны питается любовью героического народа. Вся страна следит с напряженным вниманием за героическими делами своих людей, участвует в создании этих дел, ибо каждый из героев — плоть от плоти, кресть от кости героического народа, проделавшего три революции и в жестокой, кровавой и созидательной борьбе построившего социалистическое общество.

Сегодня прилетают в Москву Герои Советского Союза Валерий Чкалов, Георгий Байдуков, Александр Беляков, успешно завершившие беспримерный в истории авиации беспосадочный перелет по маршруту Москва—Северный Ледовитый океан—Камчатка—Николаевск-на-Амуре, на самолете, сделанном до последней заклепки советскими заводами, конструкторами, мастерами и рабочими.

Свыше девяти тысяч километров пролетела стальная советская птица с могучим и невиданным еще в истории авиации размахом крыльев. Бесперебойный стальной клекот ее мотора слышали лесистый материк северной части СССР, холодные и безмолвные льды Арктики, горные хребты Камчатки, бурные валы беспокойного Охотского моря, любимые страной рубежи Дальнего Востока. Стальная птица, ведомая героями-пилотами, пробивала циклоны и штормы, экипаж с большевистским упорством, волей и мастерством побеждал все трудности и завершил с успехом беспримерный в истории авиации перелет, вошедший в историю авиации под названием «Сталинского маршрута».

В течение трех дней вся Советская страна с напряженным вниманием следила за героическим полетом советских летчиков. Это летели люди советской земли, своим перелетом открывающие новые пути для трансарктической авиации. Это летели люди, воспитанные социалистической революцией, большевистской партией, сталинские питомцы, крепящие оборону социализма, социалистической родины.

Они летели, напутствуемые словами вождя народов Сталина: «Ваша победа будет победой Советской страны». Они летели, окруженные заботой, вниманием, поддержкой всей страны, всего народа. В наиболее опасных точках перелета они могли надеяться на реальную помощь людей, советской техники, советских радиостанций, самолетов, ледоколов.

Победа наших летчиков, слава их — это победа, слава страны, партии, героического советского племени.

Как отличен принципиально этот полет, рассчитанный и проверенный до мельчайшей детали, полет, сочетавший героизм и разум, мужество и мастерство, русский революционный размах с американской деловитостью, от полета одиночки Линдберга, летевшего в неизвестность, безумца, скрывшего час и день своего отлета, надеявшегося лишь на волю провиденья, рассчитывавшего лишь на личную удачу.

В этих двух полетах сказывается различие двух систем — капиталистической и социалистической. Там жизнь человека — дешевый материал. Для нас человек — самое ценное, что есть в этом мире.

— Ваша жизнь дороже нам любой машины, — сказал товарищ Сталин летчику Чкалову 2 мая 1935 года, во время посещения им Московского аэродрома.

Эта забота о человеке как о самом ценном из всех капиталов мира характеризует нашу Советскую страну и всю эпоху социализма.

В прошлом забитая, отсталая страна, не имевшая своей промышленности, своего моторостроения, своей авиации, сегодня вышла на передовые позиции техники. Мы устанавливаем мировые рекорды высоты, дальности полетов, мы поднимаемся в стратосферу, побеждаем раскаленные пески пустыни Кара-Кум и безмолвные ледяные просторы изменчивой Арктики. Все творческие силы народа раскрепостила социалистическая революция. Эпоха пятилеток Сталина дала им правильный маршрут.

Только в условиях социализма возможно такое массовое появление героев. С помощью всей страны, всего героического народа вчера еще никому неизвестный летчик, испытатель новых конструкций летательных машин, сегодня со своими скромными и мужественными товарищами стал известен всему миру.

Сегодня вместе с Москвою вся страна празднует победу советской авиации, славит летчиков — Героев Советского Союза, гордых соколов нашей страны, достойных сынов великого народа.

Героический перелет Чкалова, Байдукова, Белякова еще раз напоминает советским писателям, как велика, как неисчерпаема тематическая сокровищница наших дней. Какие величественные героические и монументальные образы подсказывает писателю наша эпоха! Потолок и дальность полета произведений советского искусства попрежнему ничтожны в сравнении с теми расстояниями и высотами, какие устанавливает действительность героического советского народа.

ПУТЬ, НЕВОЗМОЖНЫЙ ДЛЯ ПТИЦ, ПРОЙДЕН

Птицы не летают по таким трассам, потому что им не приходится готовиться к обороне родины.

Птицы летят или через Белое море к Новой Земле, или по Уралу и Оби, Таймырскому полуострову, или по Лене и Амуру.

Путь из климата в климат, из области одних ветров в область других ветров, путь, пересекающий центр циклонов, — избегается птицами.

Обычно при постановке рекордов, пользуются временем года, выбирают условия, если не способствующие, то хотя бы не мешающие эффекту.

Путь наших летчиков сделан прямо вперед. Это самая тяжелая трасса, какую только можно было выбрать.

Мы не будем нападать.

Но кажется бы ни была погода в тот день, когда на нас нападут, какие бы ветры, туманы не были бы нам нашей страной, — наши летчики уже доказали, что ее только погода будет ими побеждена.

Путь эскадры генерала Рождественского — прогулка сравнительно с путем, проделанным аэропланом Чкалова.

Изменились наши люди, изменилась наша техника.

Остановит ли это тех, кто любит вспоминать и не любит думать о будущем?

В. ШКЛОВСКИЙ

Имя Сталина

По часам и даже по минутам
Мы следили взором всей страны,
Как летели Сталинским маршрутом
Родины отважные сыны.

Крылья их в пути обледенели,
Но они закончили свой путь,
Ибо сквозь туманы и метели
Имя Сталина им грело грудь.

ВЕРА ИНБЕР

Быть достойными героических дел нашей родины

Люди Советской страны — гордые люди. Каждый день в Советской стране полон героических фактов, отважных поступков, полон многих дел, славных и мужественных, возможных только у нас в стране строящегося социализма. Но даже на фоне героических дней нашей родины исключительный перелет Чкалова, Байдукова и Белякова является фактом настолько прекрасным, настолько советским, что спокойно о нем говорить трудно. В самом деле, величие нашей стройки, величие Страны Советов, руководимой вождем народов Сталиным, величие духа советских людей как нельзя лучше и реальнее отразилось в этом перелете. Нам, художникам слова, перелет Чкалова, Байдукова и Белякова дает много материала для творчества.

Мне кажется, что после такого перелета и пьесы и книги наши должны стать лучше.

Герои Советского Союза продемонстрировали нам, что такое высокое качество творчества. Не только самый перелет их должен стать материалом для повестей, пьес, стихов, но и самый факт перелета должен быть в нашем искусстве эрой, после которой невозможно будет писать мелкие и незначительные вещи.

Героям-летчикам, товарищам Чкалову, Байдукову и Белякову, пламенный привет и благодарность.

КОНСТАНТИН ФИНН

Вперед и выше!

Москва — остров Удд — Москва.

Замкнулось кольцо замечательного перелета.

Три новых Героя Советского Союза прилетают на Московский аэродром.

Характерно, что первые 11 Героев Советского Союза — все летчики. Гордые соколы нашей родины, сталинские питомцы, они являются живым выражением успехов нашей страны.

...У нас не было авиационной промышленности. Теперь она у нас есть...

Крылья «АНТ-25» облетели по Сталинскому маршруту колоссальное пространство — по пути наибольшего сопротивления.

И это — тоже примечательно! Путь наибольшего сопротивления, большевистский, сталинский путь неуклонного нашего движения вперед и выше.

Мы отлично знаем и ощущаем сегодня это сопротивление ветров, пурги, обледенение винта и плоскостей.

Завтра это может быть сопротивлением врага — фашистских истребителей, штурмовиков, бомбардировщиков.

И в том и в другом случае — вперед и выше!

Вражеские штурмовики будут отброшены. Крылья наших самолетов будут видны там, где ляжет новый маршрут сталинской армии социализма.

Потому что вести эти самолеты будут Чкаловы и Леваневские, Байдуковы и Громовы, Беляковы и Водопьяновы, Коккинаки и Прокофьевы и сотни и тысячи других людей, которые вырастут рядом с этими, всем нам известными и дорогими.

Перелет Чкалова, Белякова и Байдукова воодушевляет. Широкая дорога подвигов и славы открыта перед каждым сыном и дочерью нашей родины.

А. АФИНОГЕНОВ

ВЕЛИКАЯ ПОЭМА СОЗДАЕТСЯ НАШЕЙ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХОЙ

Замечательным героям, победителям воздушных пространств, гордости нашей великой родины — дорогим товарищам Чкалову, Байдукову и Белякову — почтительный и восторженный привет.

Ваш величавый перелет, совершенный без посадки на пространстве четверти земного круга, поразил весь мир. Вы совершили этот перелет в тяжелых условиях Арктики и Охотского моря, и этот беспримерный подвиг доказал, что наши герои-летчики и наши аэрокорабли способны выдержать любые испытания и противоборствовать любым преградам.

Много чудесных и труднейших подвигов совершено нашими доблестными летчиками за последние годы, и эти подвиги были необычайными в истории авиации. Эти победы наполняли гордостью и счастьем наши сердца. Но необыкновенный ваш перелет, удивительный по своей мощи и красоте, — это подвиг, достойный сталинской эпохи. Это — поистине «Сталинский перелет». Он блестяще доказал, что прекрасные люди социалистической страны способны совершать поразительные чудеса, что они готовы к самой труднейшей борьбе за неприкосновенность, честь и славу своей родины.

Нам не страшны никакие козни врагов, и никакие попытки кровавого, гнусного, варварского фашизма не в силах коснуться границ нашего великого Советского Союза. Ибо мы богаты такими героями и богатырями, как вы, связанными кровными узами с миллионами трудящихся.

Много было написано поэм о подвигах героев всех стран и эпох, но подлинная великая поэма создается нашей сталинской эпохой. И вы, родные и любимые товарищи, являетесь подлинными героями этой эпохи.

Примите от скромного художника слова братский, душевный привет, низкий поклон и пламенное поздравление.

ФЕДОР ГЛАДКОВ

Нас не застигнут врасплох

Когда вылетел на север «АНТ-25», миллионы советских людей в течение трех суток напряженно следили за картой огромного и труднейшего пути трех отважных пилотов. Когда они приземлились, сделав сразу маленький остров Удд знаменитым на весь мир, каждый гражданин Советского Союза и каждый из друзей его удовлетворенно и радостно вздохнул — ведь перелет, что и говорить, был серьезнейший!

Действительно, вообразить только эти пятьдесят шесть часов вахты в воздухе, лицом к лицу с неисчислимыми предательствами арктической природы! А сами они, эти люди-герои? Разве не бывает, что после напряженного борения силы человека доходит «до предела» — и вдруг «подведет» сердце или еще какой-нибудь орган человеческого тела? А то изменит какой-нибудь совсем крохотный винтик в машине, и вот начинай все сначала.

Но ничего этого не случилось с нашими героями... Машина была послушна, все механизмы работали четко, мотор служил безотказно, сопротивление природы было преодолено. А человеческое тело показало такую выносливость и гибкость, что многие слова о «пределах» сил его можно взять под сомнение. Советские пилоты Чкалов, Байдуков и Беляков вышли победителями из этого великолепного поединка непреклонной человеческой воли с грозной и лукавой Арктикой и со всеми трудностями освоения новой беспосадочной трассы.

И вот герои прилетают обратно в родную Москву. Семья героев Советского Союза расширилась. Советская авиация обогатилась новой великолепной машиной, которая блестяще выдержала испытание, — самолетом «АНТ-25».

Новые Герои Советского Союза, неистощимо бодрые, счастливые, приземляются на аэродроме. Они дома. Вся страна, многонациональная советская родина, приветствует их и радуется вместе с ними еще одной замечательной победе нашей авиации, наших лучших людей, гордится нашим социалистическим героизмом.

У этого героизма особенная природа, сразу отличающая его носителей от всех других. Посмотрите на все снимки тт. Чкалова, Байдукова и Белякова, связанные с этим замечательным перелетом. Как просты, скромны и естественны эти люди: никакой позы, никаких «выигрышных» жестов. А что пишут о них? Никаких красивых фраз и подчеркнуто «героических» разговоров. Напротив, о своем героическом пути они рассказывают скупо, деловито. Все они очень мало говорят о том, что переживали в пути, зато большое внимание уделяют поведению машины и состоянию разных механизмов во время полета.

Облик взлохмаченного романтика, размахивающего рваным знаменем на баррикаде и одухотворенного одним желанием — «с блеском, с славой умереть», — как все это жалко и смешно в сравнении с непреклонным желанием и целью наших героев — жить, победить и делать все для жизни.

Они по-хозяйски относятся к своей машине, к природе и к своим собственным жизням, потому что они борются и побеждают не сами по себе, а как верные сыны и хозяева великой родины, страны.

Вылетая из Москвы, они горели одной мечтой — выполнить с честью маршрут, который Чкалов назвал «Сталинским маршрутом». Но чем пламеннее была мечта, тем выдержаннее было каждое движение наших пилотов, тем точнее был расчет. Это была мечта, оснащенная революционной волей и высокой техникой советской авиации, целой системой точнейших научных расчетов.

Советский героизм умеет смотреть вперед: такие перелеты имеют огромное оборонное значение. Вокруг нашей родной страны, занятой мощным строительством и мирным трудом, все гуще сгущаются тучи, угрожающие делу мира. Европа напоминает пороховой погреб, вокруг которого уже среди бела дня повсюду шныряют с горящими факелами поджигатели войны, фашистские интервенты и бандиты.

Нас не застигнут врасплох, и врагам от ударов нашей Красной армии не поздоровится, — пусть пеняют на себя.

Наша партия, наше правительство, все трудящиеся с исключительной заботой и любовью относятся к нашей Красной армии, потому что армия наша — это мы сами, вооруженный народ. Новые Герои Советского Союза — Чкалов, Байдуков и Беляков — плоть от плоти этой героической армии. И сколько еще таких героев, бесстрашных, верных бойцов даст она, наша родная Красная армия.

Красавцы-люди! Наши гордые соколы! Дорогие товарищи Чкалов, Беляков и Байдуков, как радостно даже мысленно пожать ваши руки!

АННА КАРАВАЕВА

ПРИВИТЬ ШКОЛЬНИКАМ ЛЮБОВЬ К КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Преподавание художественной литературы в школе — чрезвычайно важное и ответственное дело. Наряду с математикой и естествознанием изучение родного языка и художественной литературы является фундаментом для всякого образования и сколько-нибудь серьезной грамотности вообще. Кроме того, литература в школе может и должна служить могучим средством воспитания характеров подрастающих поколений, воспитания у них художественного вкуса, любви и преданности родине.

К сожалению, преподавание художественной литературы в нашей школе поставлено из рук вон плохо. Программы не продуманы и неживненны, учебники большей частью слабы. Даже времени отводится для этого важнейшего предмета ничтожно мало. В начальных школах, например, вовсе не читают Пушкина, откладывая ознакомление учащихся с великим русским поэтом до старших классов. Но и для старших классов наркомпросовские учебные планы не отличаются особенной щедростью. В восьмом классе на русский язык уделено всего три часа в шестидневку, из которых на литературу — только два часа.

Три часа в шестидневку! Столько же времени отводится и немецкому языку.

Какой бы ни была программа по литературе, — а она, как известно, составлена плохо, — может ли быть из нее толк, если на ее реализацию отведено два часа в шестидневку? Не мудрено, что учащиеся получают лишь обрывки сведений по литературе. Не мудрено, что преподаватели перескакивают от одного писателя к другому и дают учащимся самые поверхностные знания.

Среди преподавателей весьма распространены «теории» вульгарных социологов. Последние пытаются сводить всю сложность и все значение творчества того или иного писателя к элементарнейшей классовой характеристике. Самое главное, что они, скажем, открыли в творчестве Гоголя,— это то, что автор «Мертвых душ» является типичным представителем не то мелкопоместного, не то среднепоместного дворянства. Творчество же Гоголя они не в силах не только об'яснить, но даже понять.

Подобные упрощенческие теории пользуются успехом у некоторой части учительства, так как они не требуют много времени и доступны каждому. Учебные планы и программы прямо толкают наименее подготовленную часть учительства к использованию сугубо неверных и вредных «теорий». Необходимо тщательно проверить и пересмотреть учебные планы, программы, учебники по художественной литературе. Одновременно надо повести решительную борьбу с теми «теориями», которые сводят все богатство нашей, а заодно и западной литературы к бессодержательным формулам.

Приведем здесь только один пример применения подобной «теории».

Литературовед Н. К. Пиксанов в книге «Грибоедов» чрезвычайно гордится одним важным, по его мнению, открытием, а именно: «Грибоедова я отношу к культурному столичному среднему дворянству. В эту социальную группу я включаю не только Грибоедова, но и Карамзина, и Пушкина, и Гоголя, и Лермонтова, и Тургенева.

Выяснить классовую основу творчества писателя—обязанность критика, считающего себя марксистом. Беда в том, что Пиксанов подводит всех названных им классиков под один общий знаменатель.

«Открытие» Пиксанова сводится к следующему: «Все это приводит нас к тому заключению, что «Горе от ума»—барская пьеса. Это самая барственная из пьес русского репертуара... Это барская пьеса и по автору, и по герою, и по бытовому содержанию, и по идеологии. Она барственна и по своему лиризму».

Непонятно после этого, для чего советским школьникам надо внимательно читать бессмертную грибоедовскую комедию, зачем ее надо ставить на советской сцене и зачем вообще о ней думать, когда это не больше, чем барская пьеса. Появление подобных литературоведческих книг, сбивающих с толку преподавателей,—позор для наших издательств.

Величайший из поэтов—Пушкин был сыном своего класса и своего времени, но никто еще до него, как и после него, не отразил жизнь всей страны в таких художественных образах, в таких стихах. Именно в наше время творения Пушкина получили наибольшую популярность. Только освобожденный от ига капитализма народ по-настоящему оценил Пушкина. Советская страна готовится торжественно отметить столетие со дня его смерти. Коммунистическая партия и правительство делают все необходимое для продвижения произведений Пушкина в самые широкие массы. И это понятно. Народ, его язык, его характер и эпос—вот та почва, в глубину которой уходят корни пушкинского гения.

Нельзя больше терпеть, чтобы в школе извращалось преподавание художественной литературы. Оканчивающие среднюю школу должны не только знать кое-что о великих русских писателях, но знать и самые произведения этих писателей.

Великие художники прошлого принадлежат трудовому народу, унаследовавшему все культурные ценности предыдущих классов, и не в наших интересах держать эти ценности под спудом, распылять их и превращать в историческую ветошь, как пытаются это сделать вульгарные социологи. Великие художники живы для нас. Их труды не пропали даром: лучшие их произведения будили умы и помогали народу двигаться вперед и тем самым найти путь к освобождению. Художественные произведения классиков, живые дыханием жизни и биением горячего человеческого сердца, могут помочь нашей молодежи понять не только прошедшее, но и настоящее.

Между тем, вульгарные социологи, извращенно толкующие произведения классиков, отбивают охоту у школьников изучать классическую литературу. Наше юношество, советские дети проникнуты революционным духом и ненавистью к отмирающим классам. Любимыми их героями являются борцы с эксплоататорами трудового народа. Естественно, что безапелляционная наклейка вроде: «дворянский поэт», «барская пьеса» и т. п. не может вызывать у школьников особой симпатии к произведениям классиков.

Художественная литература имеет огромное познавательное и воспитательное значение. Лучшие произведения классиков и современных писателей должны изучаться в советской школе с достаточной полнотой и тщательностью. Пора закрыть доступ в советскую школу вульгарным социологам и их «теориям».

(«Правда», 3 августа).

Творчество народов СССР

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРЕЛИЯ

ГЕННАДИЙ ФИШ

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ

Как и все республики и области Советского Союза, Карелия готовится к столетию дня гибели А. С. Пушкина. Издательство «Кирья» выпускает в переводах четыре книги: книгу лирики, книгу прозы, книгу сказок и «Евгения Онегина». Переводится «Медный всадник». Это вполне реальный план и, возможно, он будет даже превышен. «Капитанская дочка», «Пиковая дама» и «Дубровский» — входящие в книгу прозы, — уже вышли в свет отдельными изданиями.

Почти весь актив союза советских писателей Карелии, знающий русский язык, привлечен к серьезнейшей и ответственной работе — к переводам произведений великого Пушкина. Отдельные переводы делаются финскими писателями Ленинграда (Хелле) и Москвы (Халме).

Руссификаторская захватническая политика самодержавия отвращала все интеллигентские и литературные круги Финляндии от России и всего русского. Контрреволюционная буржуазия Финляндии в борьбе с рабочим движением изо всех сил пытается культивировать эти настроения и по сей день. Вот почему многие величайшие культурные достижения русского народа, вошедшие уже в мировой обиход, до сих пор находятся еще под семью замками для финнов. Вот почему вряд ли кто в Финляндии знает об оппозиционном отношении Пушкина к политике, проводившейся Александром I и Николаем I по отношению к Финляндии. Вот почему до 1936 г. даже «Евгений Онегин» не был переведен на финский язык.

Переводчик русских стихов на финский сталкивается с трудностями, отчасти схожими с теми, которые встречает в своей работе переводчик английских стихов на русский язык. Финские слова значительно длиннее русских.

Мужская рифма затруднена хотя бы тем, что главенствует ударение на первом слоге.

Переводчику «Евгения Онегина» удалось во многом донести пушкинский текст до читателя, но основной недостаток перевода состоит именно в смазывании общественных моментов, политических высказываний поэта. Так, например, выпущен политический намек:

«Там некогда гулял и я,
Но—вреден север для меня».

Вместо «свет решил, что он умен и очень мил» — слов, в которых заключается критика «света», в переводе сказано: «он решил». Вместо: «как государство богатеет» у переводчика — «как народ богатеет». Во всех этих извращениях нельзя не заметить определенной тенденции.

Перевод «Евгения Онегина» нуждается в тщательной и кропотливой редакции. Вот эту-то работу сейчас и проводит национальный карельский поэт Ялмар Виртанен, работающий, кроме того, над переводом «Бориса Годунова». Приближая к карельскому и финскому читателю бессмертные произведения русской литературы, поэт и сам творчески растет. Перевод «Бориса Годунова» будет не только подарком карельской общественности к столетней годовщине гибели Пушкина, но и показателем творческой неиссякаемости самого Ялмара Виртанена, в сентябре празднующего тридцатилетний юбилей своей литературной деятельности.

ЮБИЛЕЙ Я. ВИРТАНЕНА

Празднование юбилея тридцатилетней литературной деятельности Ялмара Виртанена перенесено с июля на сентябрь. К этому времени выйдет однотомник стихов Ялмара Виртанена на финско-карельском языке и книга его избранных стихов в переводе на русский (над переводами работают ленинградские поэты).

О том, что существует рабочий финско-карельский поэт Ялмар Виртанен, я впервые узнал в 1929 году из статьи Максима Горького. Внимательный друг всех советских писателей, Алексей Максимович Горький как рачительный хозяин следил за каждым и молодым и уже достигшим известных ступеней мастерства писателем. Можно только удивляться тому, как мог он успевать столько работать и стольким людям помогать личным советом!

Статью Горького об Ялмаре Виртанене надо бы сейчас опубликовать в широкой прессе; кроме интереса непосредственно для карельской литературы, она имеет еще и большое общее принципиальное значение, — в ней говорится о поэтической специфике революционного романтизма советской литературы.

Личное знакомство мое с Я. Виртаненом произошло позднее—осенью 1931 года, когда Ялмар Виртанен встречал созданную по его же инициативе бригаду ленинградских писателей. (Я хочу воспользоваться случаем, чтобы принести благодарность Ялмару Виртанену за то, что мой роман «Мы вернемся, Суоми!» стал доступен финским и карельским читателям в его переводе).

Вся направленность поэтического творчества Ялмара Виртанена определяется его жизненным путем. Литературная работа является неотъемлемой частью его политической жизни сознательного пролетария. Я мог бы многое рассказать о жизни Ялмара Виртанена. Ограничусь здесь несколькими фактами.

В 1905 году, будучи еще очень молодым рабочим в Петербурге, он принимает участие в революционном движении питерских пролетариев. Когда царское правительство двинуло для подавления московского восстания гвардейские карательные полки из Петербурга, Ялмар Виртанен был среди тех, кто валил телеграфные столбы на железной дороге, чтобы воспрепятствовать этой кровавой экспедиции. Уже начав печататься в финских социал-демократических рабочих изданиях, он попрежнему остается скромным железнодорожником, и в дни финляндской рабочей революции 1918 года товарищи выбирают его комиссаром железнодорожной станции Белоостров. Здесь, предвидя жестокий саботаж (типа «викжелевского»), он начинает обучать рабочую молодежь технике работы, необходимой для железной дороги (телеграфисты, диспетчеры и т. д.). И когда на рабочую революцию чиновничество ответило саботажем, саботаж этот никак не отразился на Белоострове: эта станция, столь важная для связи русского пролетариата с пролетариатом финляндским, станция, являвшаяся ответственнейшим пунктом в дни эвакуации разбитой финляндской красной гвардии, со своей работой справилась. С первых дней революции и по настоящий день Я. Виртанен ведет большую политическую работу.

Все время занимаясь литературной работой, Ялмар Виртанен только с недавних пор имеет возможность уделять ей должное количество времени.

Правда, сейчас Ялмар Виртанен является членом Обл. КПК, членом карельского ЦИК и председателем союза советских писателей Карелии, но все же (он сам так считает) при этой нагрузке он может уделять литературной работе гораздо больше времени, чем раньше.

Являясь в области политической бойцом передовых позиций, Виртанен и в литературной своей деятельности, целиком поставленной на службу партии, принадлежит к числу настоящих новаторов в финской литературе. На творчество Ялмара Виртанена большое влияние оказал Владимир Маяковский.

Я. Виртанен переводит советских поэтов на финско-карельский язык и тем самым содействует проникновению и влиянию передовой советской литературы на массы финских и карельских читателей.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ РЕСПУБЛИКИ

Говоря об Ялмаре Виртанене, необходимо сказать о литературной жизни Карелии, признанным руководителем которой он является.

Литературное движение в Карелии все время (хотя и неравномерно) развивается. Последние номера «Начала» никак нельзя сравнить с прежними тощими выпусками «Ударника слова». (Следует сказать, что выпуск последнего номера журнала задерживается, кажется, по вине товарищей из ленинградского союза писателей).

Союз писателей в Карелии имеет две группы: группу товарищей, пишущих на финском языке, и группу русских писателей. Нам группа финско-карельских писателей представляется литературно более значительной и крепкой. Правда, в творчестве многих из них в недавнем прошлом наблюдались националистические тенденции. Здесь, конечно, сказались и общие ошибки руководства карельской парторганизации, вскрытые осенью прошлого года. Не избежал таких срывов и сам Я. Виртанен («Марш егерей»). Осознав эти ошибки финско-карельские писатели стремятся к их преодолению. Они усиленно работают.

Интереснейший писатель Эмиль Парас (его роман «Юмоварасцы», являющийся одним из крупнейших произведений революционной финской литературы, вот уже третий год «переводится» и числится в планах Гослитиздата, но не попадает в печать) сейчас работает над большим романом из сегодняшней жизни пограничного района Калевалы (бывш. Ухты). Раутиайнен заканчивает роман «Желтый дьявол» — из жизни моряков. Писатель Иогансон пишет роман, основным материалом которого послужила жизнь рыбачьего финского колхоза на Мурманском побережьи Баренцова моря. Писательница Тихля пишет III том романа «Лист переворачивается» (второй том выходит из печати). Это роман о Великой социалистической революции в России, и его также следовало бы рекомендовать вниманию советских журналов и Гослитиздата.

Изменившаяся в связи с новым руководством политика издательства «Кирья» творчески оживила и группу русских писателей Карелии. (Раньше «Кирья» печатала только финских писателей). В ближайшее время выходят в свет книга новелл и книга стихотворений Николая Грибачева; заканчивает книгу «Беломорские партизаны», написанную на интереснейшем фактическом материале, т. Линевский; работает над повестью о гражданской войне в Карелии—«Граница» — С. Норин. Поэт Никонова из Заонежья готовит к печати большую поэму.

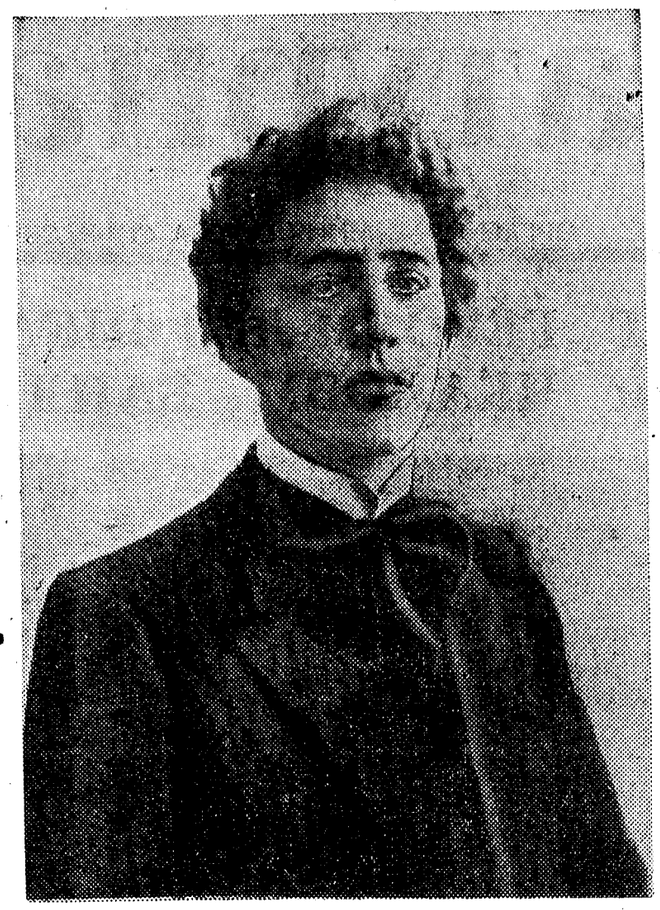
Не вдаваясь в оценку названных книг, уже по одному перечислению их можно видеть, что литературная жизнь в Карелии обещает много.

Карелия издавна была родиной богатейшего фольклора. Здесь записывали сказки, былины и песни Гильфердинг, Рыбников, Ончуков, Карнаухова и др. Сюда из Финляндии приходил Леврот за рунами «Калевалы», столетие которой праздновалось в прошлом году.

Совсем недавно об'явился сказочник колхозник-рыбак с берега Белого моря Матвей Коргуев. Замечательные сказки Коргуева записаны работником Карельского научно-исследовательского института т. Нечаевым. В недрах этого же института пылятся записи чудесного фольклора русского и карельского — результаты нескольких экспедиций института.

Долг чести карельских организаций — возможно скорее опубликовать их.

Онежское озеро.
Пароход «Урицкий»



АЛЕКСАНДР БЛОК
(к пятнадцатилетию со дня смерти)

ГАСТРОЛИ ТЕАТРА имени РУСТАВЕЛИ

С глубочайшим презрением относились царские сатрапы к грузинскому искусству, в частности ко всем попыткам грузинской интеллигенции создать свой национальный театр. Не меньше унижений пережил театр Грузии и в период меньшевистской контрреволюции (1918—1920 гг.).

Организаторы меньшевистского «рая» меньше всего уделяли внимания вопросам культуры, и в ответ на просьбы о содействии заместитель министра просвещения Цинцадзе цинично заявил представителям национального театра: «Всему грузинскому театру предпочитаю один балетный номер».

Только в советской Грузии, в условиях постоянной заботы со стороны партии и правительства и, в частности, руководителя закавказских большевиков Л. Берия, грузинский театр, как и вся грузинская национальная культура достигли небывалого расцвета.

Теперь в советской Грузии 46 театров. Одно из ведущих мест среди них по праву занимает Театр им. Руставели, приезда которого с нетерпением ждет московская театральная общественность. Театр этот популярен не только в СССР, но и далеко за его пределами. Об этом свидетельствуют факты, сообщенные 7 августа на специальном заседании Всесоюзного комитета по делам искусств: когда за границей стало известно об организации в сентябре текущего года 4-го театрального фестиваля в Москве, в комитет стали поступать просьбы крупнейших западных критиков и театроведов о включении спектаклей Театра им. Руставели в программу фестиваля.

К сожалению, технические условия не позволяют Театру им. Руставели показать в Москве больше трех постановок. Из старых постановок будет показан «Анзор» (по пьесе Вс. Иванова «Бронепоезд»). Из четырех спектаклей, осуществленных Театром им. Руставели за последние девять месяцев со дня смены прежнего руководства, москвичи увидят только два спектакля — «Осенние дворяне» Кдиашвили (режиссер — Патаридзе, музыка — Туския, художник — Тавадзе) и «Арсен» Сандро Шаншиашвили (постановка народного артиста Васадзе, художник — Гамрекели, музыка Туския).

«Осенние дворяне» — это сатира на мелкопоместное грузинское дворянство, упадок и вырождение которого показаны в пьесе с большой художественной силой. Поставив пьесу в плане музыкальной комедии, Театр им. Руставели сделал серьезный шаг в освоении сложного и нового для грузинского театра жанра. В ином плане — монументального, героического спектакля — разрешен «Арсен». По единодушным отзывам критики, в этом спектакле с большой выпуклостью воскрешена эпоха, в которую жил вождь революционного крестьянского движения Арсен, ставший излюбленным героем многочисленных народных легенд. В этой постановке Театр им. Руставели решительно рвет с «эстетскими» традициями, насаждавшимися старым руководством, отказывается от оперной красивости в построении массовых сцен, стремясь к максимальной индивидуализации каждого действующего лица, к предельной реалистической простоте и насыщенности.

Театр им. Руставели совместно со своей студией организует в Москве большой вечер грузинского искусства. Впервые увидят москвичи ансамбль чонгуристов в 30 человек, которые исполнят большое количество народных мелодий (чонгур — старинный музыкальный инструмент). Продемонстрированы будут замечательный военный танец хоруми, хоровые песни, отрывки из произведений классической и современной литературы Грузии и т. д. Предполагается также организовать большой радиовечер, посвященный грузинскому искусству.

К четвертому фестивалю в Москве будет издана на русском и английском языках специальная монография т. Дудучава — о творческом пути Театра им. Руставели.

Гастроли Театра им. Руставели в Москве начнутся 20 августа.

Я. РОЩИН

ПИСЬМА М. ГОРЬКОГО

Продолжая начатую в предыдущем номере публикацию писем А. М. Горького, сегодня мы печатаем письма гениального художника слова к начинающим писателям. Они характеризуют одну из сторон многообразной деятельности Горького — его борьбу за здоровое реалистическое искусство, за литературу высокого мастерства. Указания, которые давал Алексей Максимович начинающим литераторам еще задолго до революции, не потеряли своей ценности и в наши дни. Советские писатели найдут для себя в этих письмах немало полезного. Без глубокого изучения высказываний Горького немыслима успешная борьба за социалистический реализм в литературе.

Письмо к члену кружка писателей им. Сурикова П. Травину извлечено нами из журнала «Народный учитель» (№ 1 за 1928 г.). Оно не имеет даты, но, повидимому, относится к 1911—12 гг. Письмо к армянскому критику, поэту и беллетристу Тиграну Ахумяну перепечатывается из тифлисской газеты «Заря Востока» (10 апреля 1928 г.). Письмо к Максимову — из ростовского журнала «На под'еме» (ноябрь 1932 г.).

Г. СМОЛЬЯНИНОВ

Научный сотрудник Института им. А. М. Горького

П. А. ТРАВИНУ

Извиняюсь, что задержал вашу рукопись, но ранее не мог прочитать, не было времени. Ваши стихи нравятся мне более, чем проза — прозой вы владеете не так свободно, как стихом, да и сюжеты в прозе у вас менее значительны. А стихи тем, главное, хороши, что видно, кто их пишет и почему пишет. Хотя, должен сказать, что в стихах у вас много неправильностей, неверных ударений, бедных, т. е. незвучных, рифм и неловкостей в выражении мысли. Если б я знал вас раньше, я бы посоветовал вам не издавать стихов; теперь, наверное, вы моего совета не послушаете. А посоветовал бы я вам это потому, что вы можете писать лучше, чем теперь пишете, и я думаю, что современем все, что вы издали и написали, очень вам не понравится. Вы должны будете понять, что все, написанное вами, гораздо раньше и лучше вас написано другими и что в теперешних ваших стихах нет ни красоты, ни оригинальности, ни силы. Я уверен, что вам станет ясно и то, что жаловаться на жизнь людям — бесполезно, а гораздо полезнее осуждать людей за порчу жизни, за их черствое и грубое отношение друг к другу, за то, что они так любят сидеть на шее ближнего своего. Все это будет ясно для вас, если вы займетесь самообразованием и будете больше читать образцовых писателей.

Вы не один и не первый самоучка-писатель, это надо помнить для того, чтобы постараться выдвинуть себя из ряда других, для того, чтобы научиться сильнее и ярче изображать жизнь и мысли рабочего люда. Не останавливайте все ваше внимание только на себе самом и не описывайте только вашу жизнь и ваши мысли, — помните, что сотни тысяч людей живут в положении подобно вашему и даже много более тяжелом. Старайтесь находить общие всем рабочим мысли, чувства и стремления и вот их излагайте кратко, сильно и просто.

И не жалуйтесь на тяжесть жизни — жалуются бессильные, а люди, уважающие себя, должны требовать признания за ними человеческого права на свободный труд и свободную жизнь. Требовать, а не просить, не жаловаться, не стонать, ибо это дело нищих, которые не должное им требуют, а милостыню просят. Человек должен уважать себя, должен гордо говорить всем и каждому: я таков же, как и ты, я во всем равен тебе, я имею право жить так же хорошо, такой же полной жизнью, как ты.

Повторяю: вы рано начали печатать свои произведения, и это очень плохо для вас. Первая ваша книжка лучше второй, а это признак того, что со второй вы поторопились еще более, чем с первой.

Ну, все же желаю вам всего хорошего! Будьте здоровы и относитесь к себе строже.

Ваш А. ПЕШКОВ.

П. Х. МАКСИМОВУ

Вот именно теперь, когда вы переживаете, как это чувствуется по вашему письму, дни критического отношения к себе самому и когда ваша прежняя самонадеянность рассеяна ударами неудач, теперь-то вы и должны взяться за себя серьезно. Вы были сырым поленом, которое не могло хорошо разгореться, потому что в нем много влаги, теперь это вытопилось из вас, и вот попробуйте-ка поработать! Вы не графоман, это неверно, это чепуха: вы просто очень молоды и слишком поверхностно относились к жизни и литературе. Арцыбашев был груб с вами — это нужно забыть. Я уверен, что вы человек одаренный, но вам необходимо найти в себе силу для работы над собой. Я советывал бы вам сейчас же взяться за рассказ на самую простую тему, например: «Будничный день», — напишите свои будни — как вы проснулись, куда ходили, что видели, как легли спать и какую связь имеет все это — мелкое, смешное и грустное — все! — к жизни мира, о которой вы мечтаете, к тому что вы хотите.

Пишите, памятуя, что простое — самое трудное и мудрое. Попробуйте!

Я считал излишним отвечать на ваши письма, будучи уверен, что мои ответы ничего не дадут вам в том размашистом настроении, которое одолело вас. Но я был уверен, что это настроение вы переживете не без пользы для вас. Кажется, так и случилось. Если я не ошибаюсь, я рад.

Относитесь к себе бережливее. Экспансивность хороша, сдержанность тоже имеет свою цену. Будьте здоровы, желаю всего доброго!

А. ПЕШКОВ

Сентябрь 1916 г.

ТИГРАНУ АХУМЯНУ

Разумеется, вам нужно писать и много, но столь же необходимо для вас встать ближе к жизни, пользоваться непосредственно ее внушениями, образами, картинами, ее трепетом, плотью и кровью. Не сосредоточивайтесь **на себе**, но сосредоточьте весь мир **в себе**. В жизни много яда, но есть и мед — найдите его. Не будьте только лириком, — не запирайте душу свою в клетку, вами же построенную, — смейте быть и юмористом, и эпиком, и сатириком, и просто веселым человеком. Надо все брать и все отдавать жизни, людям.

Большинство современных поэтов живет точно на необитаемых островах, вне жизни, вне ее хаоса. Это, конечно, более легко и удобно, чем жить в хаосе действительности, но это значит — ограбить себя. Не надо быть Робинзоном, не надо! Надо жить, кричать, смеяться, ругаться, любить. Надо искать то, что еще не найдено: новое слово, рифму, образ, картину. Поэт — эхо мира, а не только няня своей души.

Вот так. Желаю всего доброго.

А. ПЕШКОВ

25.X.1916 г.

Александр Блок

Ан. ВОЛКОВ

Творчество Александра Блока протекало в эпоху больших социальных катаклизмов и катастроф, завершившихся на глазах поэта крушением старого мира. Блок пережил — и не только пережил, но и глубоко прочувствовал! — три русских революции и мировую империалистическую войну — события, глубоко преобразившие образ «жены», «невесты» — России, всегда воспринимаемой поэтом лирически. Это с особой силой сказалось на творчестве Блока, умевшего по-своему улавливать музыку истории, ощущать пульс русской революции. В этом существенное отличие Блока от многочисленных его соратников по символизму, внутри которого он начал свой творческий путь.

Художественное наследие Блока не укладывается в рамки символизма не только в силу его сложности — сложность является качеством всякого крупного таланта, — но и потому, что, несмотря на теоретическую приверженность к символизму, Блок в художественной практике выступил с ревизией его художественной методологии.

Блоковская «ревизия» символизма, в отличие, например, от брюсовской и акмеистической, носила резко выраженный социальный характер, хотя она не вызвала столько шума, а происходила под символистскими знаменами. Когда в 1910 году В. Иванов выступил против Брюсова, провозгласившего принципы «кларизма», и имел в лице Блока своего союзника, он не видел, что союзник его куда «опаснее» противника. Еще накануне войны Блок решительно отмежевался от «мистического шарлатанства» В. Иванова, а в эпоху войны выступил против шовинизма, на почве которого трогательно об'единились В. Иванов и Брюсов, символисты и акмеисты.

«Стихи о Прекрасной Даме» и «Двенадцать» — это два полярных полюса в творчестве Блока. Подобно Л. Толстому, Блок совершил переход на другие классовые позиции. Блок в первый период своего творчества передал аромат дворянско-помещичьей культуры, а в последних произведениях произнес приговор господствующим классам. Поэзия Блока пронизана идеей отрицания действительности. Однако качества этого отрицания в ранний и поздний периоды принципиально различны. В ранних стихах отрицание носит мистический, типично символистский характер. Поэт не принимает реальной действительности, резко противопоставляя ей иной, потусторонний мир.

Отсюда идет культ Прекрасной Дамы, олицетворяющей собой «свободу» потусторонней мечты. За отдельными исключениями (ст. «Фабрика»), действительность раннего Блока выступает в преображенном, иллюзорном виде. Его нежная, расслабленная, камерная поэзия отрешена от мира и плоти. Из своего романтического «далекого скита» поэт презрительно смотрит на «жалкую толпу»:

Толпа кричит — я хладен бесконечно,
Толпа зовет — я нем и недвижим.

Это обусловливает своеобразие всего поэтического строя раннего Блока. «Смутность» идеи определяет смутность и слиянность образов, всех изобразительных средств. Излюбленные эпитеты — невнятный, туманный, таинственный, белый, неясный, бесконечный. Полутона и полуощущения выступают вместо четкого представления о мире.

Впоследствии, отталкиваясь от индивидуалистического эстетизма, смутности и полутонов ранних стихов, в «Возмездии» Блок создает монументальные реалистические образы. Свои мистические увлечения он будет пародировать в «Балаганчике», снизив до балагана с марионетками казавшийся ему столь возвышенным потусторонний мир. Прежний мистик-индивидуалист будет напряженно искать пути в реализме.

Резкий перелом в мировоззрении Блока вызван революцией 1905 года, хотя поэтически он осознает его несколько позже. Революция вывела поэта из узкого камерного мира, обнажила перед ним общественные противоречия, показала ему борющиеся классовые силы. Блок откликнулся на революцию рядом восторженных стихов, в которых он, в отличие от других символистов, приветствует силу, направленную **против капитализма.** Блок начинает напряженно слушать музыку исторических событий, задумываться над судьбой своего класса. В 1908 году он уже понял, что «русское дворянство окончательно вымерло, лучшее, что оно может дать, — это журнал «Старые годы».

С ненавистью отвернулся поэт от буржуазно-феодальной государственности. Блок бросает по ее адресу свое проклятие: «Современная государственная машина, — писал он в 1909 году, — есть, конечно, гнусная, слюнявая, вонючая старость, семидесятилетний сифилитик, который пожатием руки заражает здоровую юношескую руку. Революция русская в ее лучших представителях — юность с нимбом вокруг лица».

В тот момент, когда особенно стал модным ницшеанский аристократизм, Блок ставит вопрос об интеллигенции и народе. Прямо в противовес веховцам он видит пути интеллигенции в сближении с народом. В блоковском понимании народа было много мистического, но вместе с тем нельзя не видеть здоровых демократических корней его народности, принципиально отличной от соборности Мережковского и В. Иванова. Недаром он называет среду религиозно-философского общества словесным кафе-шантаном.

Находя социальную опору в народе, Блок включает накопившуюся народную ненависть в свою критику существующего строя. От аристократической критики капитализма, нашедшей свое выражение в ранних стихах, он переходит к критике слева. Блок связывает будущее России с судьбой крестьянства. «Роду хлеборобов, — пишет он в статье «Пламень», — не будет конца, пока не разрешится самое сокровенное и самое страшное дело в России». Он тревожно ощущает приближение новой социальной революции в России. «Россия, вырвавшись из одной революции, видно смотрит в глаза другой, может быть, более страшной». Блок представляет себе картину будущего, когда «опять будет кровь, кровь, топор и красный петух». Ожидание народного мятежа характерно для стихов Блока этого периода:

И черная земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи.

С этими строками из «Возмездия» перекликается стихотворение из цикла «Ямбы», расшифровывающее реальные идеалы поэта:

В голодной и больной неволе
И день не в день, и год не в год,
Когда же всколосится поле,
Вздохнет униженный народ.

В том, что под народом Блок понимает прежде всего многомиллионное русское крестьянство, не может быть никакого сомнения. В статье «Стихи и культура» (1908 г.) он дает вполне трезвую, очищенную от всякого мистицизма оценку современной деревне: «С одной стороны — народ православный, убаюканный казенкой, с водкой в церковных подвалах, с пьяными попами. С другой —этот «зачерепевший слой лавы» над жерлом вулкана. Эти — «пеньем сладкозвучным сердца погибших привлекают». Они поют:

Ты любовь, ты любовь,
Ты любовь святая,
От начала ты гонима,
Кровью политая.

Те поют другие песни:

У нас ножики литые,
Гири кованые,
Мы ребята холостые,
Практикованные...
Пусть нас жарят и калят
Размазуриков ребят, —
Мы начальству не уважим,
Лучше сядем в каземат...
Ах ты, книжка-складенец,
В каторгу дорожка,
Пострадает молодец
За тебя немножко.

И те и другие, по мысли Блока, «дети одной грозы», потому что «земля одна, «земля божья», земля — достояние всего народа».

Разве это не стихийное отражение идеи крестьянской войны за землю-матушку, являющуюся достоянием «всего народа»? Именно этой самой крестьянской войной является тот «страшный кризис», которого так напряженно ждет Блок. Как видим, мистическим чаяниям соратников по символизму Блок противопоставил вполне реальную идею крушения старого мира от «красного петуха».

Блок возлагает большие надежды на новую интеллигенцию, вышедшую из народа, за народность он ценит Горького, ибо «таких у нас не много». Блоку близка народная стихия, которой он противопоставляет замкнутую культуру интеллигенции. «Если интеллигенция все более пропитывается волею к смерти, то народ искони носит в себе волю к жизни». Именно в выходе на широкую дорогу общественности видит Блок единственно возможный путь для писателя. Но в то же время он выражает, совсем в духе кающегося дворянина, **страх** перед «гоголевской тройкой», символизирующей нашествие народа, страх перед движением масс. Конечно, Блок не понимал, что успех крестьянской войны только и возможен при условии сочетания ее с пролетарской революцией.

В свое собственное представление народной революции он вложил слабости крестьянского движения — политическую невоспитанность, мистицизм и своеобразное непротивленчество. Весьма показательно окончание стихотворения «Сытые».

Пусть доживут свой век привычно —
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям неприлично
Их старой скуке подражать.

Если позитивная революционная платформа Блока чрезвычайно расплывчата, идеалистична и неопределенна (такой она осталась до конца, даже в «Двенадцати»), то его критика капитализма отмечена гораздо большей четкостью и определенностью. Циклы стихов «Город», «Ямбы», поэмы «Возмездие», «Двенадцать», «Скифы», его многочисленные публицистические выступления проникнуты большой ненавистью к капиталистической системе с ее противоречиями.

Посылая проклятия капиталистическому городу, Блок не видит в нем реальной основы для выражения своих идеалов, за исключением, пожалуй, одной силы. Это — богема, люмпенская, кабацкая, цыганская стихия, идеализация которой сквозит в ряде «городских» стихов Блока. Он ненавидит буржуазную умеренность, буржуазный «порядок», противопоставляя ему «всемирный запой». Все эти мотивы своеобразно переплетаются в творчестве Блока эпохи реакции.

Блок на практике осуществляет свое стремление к реализму. Он ревизует былые художественные принципы, нашедшие выражение в «Стихах о Прекрасной Даме». Блок настойчиво вытравляет «яд декадентства». В 1908 году в письме к матери он пишет: «Проклятая отвлеченность преследует меня. Злюсь за это на своего отца... Он декадент до мозга костей, ибо весь яд декадентства и состоит в том, что утрачены **сочность, яркость, жизненность, образность, не только типичное, но и характерное».** (Подчеркнуто нами.— **А. В.**). Здесь Блок обнаруживает правильное понимание реалистического искусства и преодолевает основной порок декадентства — эстетическую замкнутость, отрешенность искусства от действительности. Ярким выражением этой борьбы с декадентскими традициями, с былыми увлечениями «соловьевством» является поэма «Возмездие», встреченная в штыки средой В. Иванова. В «Возмездии» дается большое историческое полотно эпохи распада народничества, победоносцевской реакции и Цусимы.

В «Возмездии» Блок отказывается от символистской двуплановости образа, от мистицизма и сосредоточивает внимание на реальной действительности. В тесной связи с художественным методом «Возмездия» находятся следующие слова Блока в «Письмах о поэзии» (1908 г.): «Всякую **правду,** исповедь, будь она неголовчева, невсемирна, правду Глеба Успенского, Надсона, Гаршина и еще меньшее, мы примем с распростертыми об'ятиями, рано или поздно отдадим им все должное». Стремление к жизненной правде и осуществлено в «Возмездии». Весьма показателен повышенный интерес Блока к революционным движениям 70—80-х годов, что находится в тесной связи с его концепцией народной революции.

В этой поэме нашли наиболее полное выражение художественные принципы этого периода творчества Блока. Если раньше Блок вырабатывал художественный метод, исходя из своей абстрактной философско-эстетической системы, то теперь он стремится создать художественную форму, наиболее полно выражающую реальное содержание действительности. Он пытается уловить ритм исторических событий, зафиксировав его в поэтическом ритме поэмы. В стихах этих лет Блок снижает высокий стиль, характерный для символистской поэзии, до бытового жаргона. Он стремится разрушить канонические метры, создает ритмический строй, соответствующий живой разговорной речи, вводит бытовые прозаизмы.

Следующий шаг к демократизации поэзии Блок делает в эпоху войны и революции. В пацифистских стихах он выразил недовольство народных масс войной и в то же время бессилие найти выход из войны. Поэт ничего не может противопоставить войне кроме «роковой пустоты». «Что такое война?» — спрашивает Блок и отвечает: «Война — глупость, дрянь... Трудно сказать, что тошнотворнее: кровопролитие, или то безделье, та скука, та пошлятина; имя обоим — великая война».

Блок радостно встречает Февральскую революцию, которая, однако, не вдохновила поэта на художественное творчество, ибо не дала настоящего простора народной стихии, чего напряженно ждал поэт.

Блок принимает пролетарскую революцию, одним из первых интеллигентов идет на службу к пролетариату, призывает всех интеллигентов «слушать Революцию». В поэмах «Двенадцать» и «Скифы» с особой силой сказалась ненависть Блока к старому миру, к «буржуазной сволочи» (слова из дневника Блока):

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем.

Печать идейной ограниченности лежит на «Двенадцати», ярким свидетельством чего является конец поэмы. Блок не поднялся до понимания социалистического, организующего характера революции. Но, сказав «нет» старому миру, он тем самым сказал «да» пролетариату, заново перестраивающему мир. И этим он ценен нам.

Выход из эстетической замкнутости на свежий воздух действительности, стремление к жизненной правде, создание новых художественных принципов, выражающих ритм современности, — вот заслуги Блока, ставящие его на несколько голов выше других символистов. И не случайно, что В. Маяковский, отрицательно относившийся к символизму, так положительно отзывался о Блоке.

Александр Блок — страстный обличитель старого мира — близок советскому народу, выкорчевывающему корни капитализма, строящему бесклассовое социалистическое общество.

Сила и надежда

РЕЧЬ ЖАКА КАССУ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В МАДРИДЕ, НА СОБРАНИИ НАРОДНОГО ФРОНТА, 22 МАЯ 1936 г.

—Товарищи испанцы, братья испанцы! Пять лет назад, в апреле 1931 г., я был в Мадриде и явился свидетелем радостных дней, когда зародилось движение, которое продолжает развиваться и будет развиваться и впредь. Тогда в толпе, об'ятой волнением и восторгом, я встретил одного своего друга испанца; он обнял меня со словами: «Теперь и у меня есть родина!». А я, товарищи, несмотря на принадлежность к двум странам, в обеих чувствовал себя чужеземцем. Родился я в Испании, жил во Франции и писал по-французски, но родины у меня не было. Я чувствовал себя одиноким и во Франции и в Испании, я жил мечтой о двух культурах и значит одиноким много мечтал и одиноким мало жил. Но как иначе мог бы я ощущать братскую любовь, чувство солидарности, связи с коллективом, веру в общее дело? Сейчас, товарищи, когда в Испании и во Франции торжествует народный фронт, — да, сейчас я с гордостью могу сказать, что у меня две родины, я их владелец и наследник. Так пусть же изменится мир, друзья, чтоб всякий живущий на нашей планете получал бы право об'явить себя гражданином всех родин мира!

Товарищи, в те времена мы—писатели, интеллигенты, художники, как испанцы, так и французы, — мы жили, уйдя в мечты и в наши обособленные жизни. Конечно, мы знали, что живем в несправедливо построенном обществе, и что в мире следовало что-то изменить. Мы знали, что человек живет неполной жизнью, в отрыве от реальности и вне контакта с внешним миром. Мы не владели ничем, лишь только культурой, то есть мечтами наших предшественников, которые изучали и подвергали критике современное им общество, человеческую жизнь, недостаточно человечную, которые стремились создать образ человека более совершенного, более гармонического, более человечного. Среди этих предшественников был один французский поэт, великий поэт, самый блестящий, самый талантливый из всех существовавших поэтов. Его звали Артур Рэмбо. Своим неисчерпаемым творчеством он отвергал мир, которого не мог принять. Он сказал: «Подлинная жизнь отсутствует. Мы вне мира». А в другом месте он говорит о тайнах, которыми мы могли бы владеть, чтоб «изменить жизнь». Товарищи, мы знали, что жизнь следовало изменить. Но мы не знали, как это сделать. И мы думали, что неправильно построено не только общество, но и само человечество, сама жизнь и не по внешним проявлениям, не по форме, но в самой своей сущности. Вот почему мы были пессимистами и отчаявшимися.

И тогда мы открыли одну реальную вещь. Силу, действительно способную изменить жизнь, изменить не фантастическими приемами алхимии, к которым прибегал Рэмбо. Эта сила называется пролетариатом. Рядом с нами трудились и страдали люди, и в их единении была сила. Сила и надежда. Тогда мы поняли, что для того, чтобы изменить жизнь, надо изменить условия жизни. Мы поняли, что это вполне возможно. Нечего отчаиваться. Жизнь можно изменить. Можно произвести революцию.

И тогда все эти одинокие и отчаявшиеся мечтатели — писатели, интеллигенты, художники, алхимики поняли, что культура, та культура, которую они собирались защищать и углублять, вовсе не отвлеченная вещь, сохраняющаяся в библиотеках и музеях, но живой организм, признак человеческого прогресса, признак революции. И тогда мы поняли, что культура и революция — одно и то же.

Пятьдесят лет назад интеллигенция толковала о хождении в народ. Эта неделая формула одинаково оскорбительна как для народа, так и для интеллигенции. Нет, товарищи, мы не идем в народ. Мы идем с народом. Мы проверили себя, мы поняли, что происходит, поняли, что такое пролетариат, что такое история, культура, революция, и вот мы очутились на своем естественном, предназначенном месте, среди народных масс, в рядах пролетариата. Работники физического и работники умственного труда — у нас одни и те же интересы, и мы преследуем одни и те же цели. А главное — у нас один и тот же враг: фашизм.

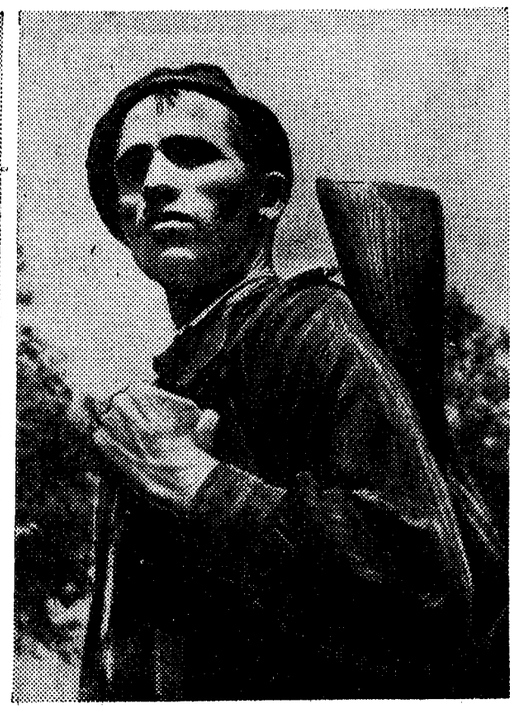
Фашизм не желает, чтобы жизнь менялась. Вот почему фашизм в тех странах, где он торжествует, одинаково преследует народ и культуру, рабочих и художников. Вам известно знаменитое изречение одного нацистского писателя: «Когда я слышу разговоры о культуре, я беру револьвер и стреляю». Творчество есть синоним революции. Вот почему в фашистских странах судьба творцов, художников, ученых, музыкантов, писателей, поэтов тесно связана с судьбой трудящихся и революционеров. Художники и трудящиеся потому являются революционерами, что они стремятся воплотить в жизнь мечту великого французского поэта: изменить жизнь. А фашизм хочет, чтоб жизнь оставалась неподвижной, незыблемой в своих категориях, в своем центрежном и необходимом делении на эксплоататоров и эксплоатируемых, на владельцев обширных поместий и на голодающие народные массы. Фашизм хочет неподвижности. Фашизм об'явил себя сторонником прошлого и смерти в борьбе с жизнью.

На эти высказывания в пользу прошлого и смерти, трагические высказывания, которые во время итало-абиссинской войны приняли самый отвратительный характер, две страны гуманистической западной культуры, две страны демократические, два народа — французский и испанский — дали свой ответ. Не могу вам сказать, товарищи, с какой гордостью я ощущаю, как все мои традиции, обе мои культуры, обе литературы, испанская и французская, обе родины, что я ношу в себе, повышают голос и кричат в лицо наглому фашизму: «Нет, сюда ты не войдешь!» Отныне я тесно, по-братски связан с отважными победоносными народными массами Франции и Испании. У них одно и то же предназначение, один и тот же долг. Они ответственны за человеческое будущее. Во имя чести испанского народа, истории и культуры Испании, во имя чести астурийцев прошлого Октября, во имя человеческой чести Испания должна продолжать свой революционный путь. Народные революции должны действовать заодно, выковывая в своей солидарности единодушие будущего человечества. Всякая революция, вспыхивающая в какой-нибудь точке земного шара, рождает надежду в сердцах других народов. Победа в Мадриде, в Барселоне, в Париже означает новую надежду для наших товарищей, потерпевших поражение в Риме и Берлине. Не будем же разбивать их надежд. И чтоб добиться этого, об'единимся и укрепим свои силы...

Я возвращаюсь во Францию преисполненный Испании, преисполненный жизни, страсти и надежды. И я приветствую вас, друзья, поднимая сжатый кулак — символ нашего братского единодушия.

Шахтеру Хосе Бенито было восемнадцать лет, когда он ушел в горы сражаться. Его взяли в плен. Солдаты привязали его к фургону. Они поставили фургон на дороге, как прикрытие. Хосе Бенито повезло: пуля товарищей его миновала. Его приговорили к расстрелу, потом казнь заменили пожизненным заключением. Он сидел в тюрьме в Памплоне. Двое из его товарищей умерли от голода и от побоев. Он выжил. Он смеется, шутит: «Теперь-то я не сдамся живьем»... Старый шахтер, усмехаясь, говорит: «Теперь их черед сдаваться».

(И. ЭРЕНБУРГ).



Крестьяне Сеннесьентоса и Номбелы организовали свою милицию. Они зовут ее «Красной армией». У этой «Красной армии» несколько охотничьих ружей.

Помещики сдавали землю в аренду кулакам. Помещики убежали, сражаются за них кулаки. В Номбеле 90 кулаков — все вооружены. В Альморадиеле кулаки с криками «Да здравствует Христос!» напали на крестьянский совет. Они покалечили несколько человек. У них нашли 200 ружей, 350 револьверов, 60 винтовок военного образца.

(И. ЭРЕНБУРГ).

ИЗОГИЗ выпускает большой художественный альбом об Испании, текст к которому написал Илья Эренбургом. Во время своей последней поездки в Испанию (апрель 1936 г.) Илья Эренбург посетил много городов, сел и деревень Испании. Он был свидетелем героической борьбы испанского пролетариата и трудового крестьянства за свою независимость. Он видел улицы Овиедо, Мадрида, Севильи, разгромленные фашистами. Он видел горняков героической Астурии, которые с винтовками в руках защищали свои права, защищали в первую очередь право на жизнь... Он встречался с испанскими поэтами, художниками, писателями и журналистами, которые сменяли свои перья и кисти на ружья и пулеметы. Этот альбом назван автором «UHP» — «Union hermanos proletarios». «Союз братьев пролетариев» — это боевой лозунг испанского революционного народа. В альбоме, кроме текста, около **200** фотографий. Часть из них снята И. Эренбургом, остальные — испанскими фотографами Майо, Шим и др.

НАШ ТОВАРИЩ РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ

В 1925 году на национальном литературном конкурсе в Испании первую премию за книгу «Моряк на земле» получил молодой поэт Рафаэль Альберти.

О бледном высоком юноше из Пуэрто де Санта Мария восторженно говорили в печати, в редакциях литературных журналов. Большой, своеобразный талант Альберти позволял видеть в нем достойного преемника великих знаменосцев испанской поэзии — Антонио Магадо и Хуана Рамона Хименеса.

Его стихи о «Неведомом ангеле», пропитанные лирической грустью, являли собой образец «чистейшего искусства. Рафаэль Альберти? Да, это подлинный поэт тончайших чувств и высокого мастерства, — говорили о нем патентованные эстеты и знатоки «настоящего искусства».

И вдруг произошла «катастрофа». Альберти покинул душную башню «чистого искусства» и мощным голосом заговорил о судьбе эстремадурских бедняков. Да, Альберти спустился на землю, и отныне его вдохновляли люди, живущие под темносиним небом Испании, судьба которых горька, как полынь, и трудна, как путь через вершины Сиера Гвадаррама.

Внутренний перелом поэта завершился освободительным взрывом, и лирический певец вырос в подлинного народного поэта, воспевающего не только скорбь, но и гнев трудящихся.

В отличие от многих «жалостливых» писателей и поэтов, со слезою в голосе, но бездейственно распространяющих о несправедливости судьбы бедняков, Рафаэль Альберти в своих стихах мужественно предлагает выход из нищенского, бесправного и странного сегодня.

Этот выход — революционная борьба.

В своем стихотворении «Призрак бродит по Европе» он пишет:

Но,великий Призрак!
. . . . . .
Садись с нами ты за стол, где бедный
Крестьянин голодает... Мы тебя
Ведем к владельцу фабрики. На стачках,
На выступлениях уличных ты наш
Могучий председатель... Ты с солдатом
И с моряком прилежно говоришь,
В парламенте, где золото и кровь,
Грозишь рукой врагам оторопелым.
Да, точно: **Призрак бродит по Европе,**
По миру бродит Призрак, и его
Великим мы товарищем зовем.

Стихотворение это Альберти написал после своего пребывания в Советском Союзе (декабрь 1932 г. — февраль 1933 г.). Месяцы, проведенные в Советской стране, еще более укрепили новые позиции Рафаэля Альберти.

Он бродил по Москве, в тихие ночные часы стоял на Красной площади перед зубчатой Кремлевской стеной, перед мавзолеем Ленина, мимо которого утром проходили сотни тысяч счастливых, радостных людей, и думал о своей стране, где радость задушена, и где эстремадурский крестьянин и астурийский горняк одинаково не знают, что такое настоящая жизнь.

В одном из своих высказываний Альберти писал: «...мое пребывание в Москве дало мне возможность утвердиться в моих мыслях. Никто не может оставаться равнодушным перед гигантскими усилиями трудящихся масс СССР. **После моего возвращения в Испанию все, что я пишу, служит интересам трудящихся».**

Рафаэль Альберти сказал правду. Редакции буржуазных газет и литературных журналов с остервенением захлопнули перед ним свои двери.

«Отверженный» поэт вместе со своим другом и женой Марией Жересой Леон, вместе с товарищами Рамоном Х. Сендером, писателем-коммунистом Сесаром М. Арконадой и другими возглавил революционное движение на литературном фронте Испании. Альберти вошел в руководство «Об'единения испанских революционных писателей и деятелей искусства», стал редактором его центрального органа — журнала «Октубре», писал теоретические статьи и пламенные революционные поэмы.

Стихи его, переложенные на музыку, загремели над выжженными полями Эстремадуры и прозвучали в горах Наварры, перебросились в страну басков и распевались на улицах и площадях Мадрида десятками тысяч пролетариев, готовых к борьбе.

Альберти сдержал слово.

Он жил, работал и писал только для трудящихся. Вставая из-за письменного стола, оборвав на полуслове новое стихотворение, он шел выступать на собраниях и митингах народного фронта, произносил речи страстной ненависти к фашизму, активно участвовал в предвыборной кампании в кортесы, боролся с цензурой за право выхода в свет «Октубре» и вновь писал стихи...

29 апреля этого года в помещении мадридского кинотеатра «Европа» состоялся многотысячный митинг. Он был организован по случаю вручения Центральному Комитету испанской компартии знамени, сделанного на деньги, собранные по народной подписке.

И вот после речей руководителей компартии на сцену вышел высокий человек. На бледном лице его блестели большие черные глаза.

Собравшиеся на митинге узнали поэта Рафаэля Альберти, и рукоплескания были подобны взрыву. Альберти прочел поэму, посвященную вручению знамени. Он кончил и хотел уйти, но бурные аплодисменты заставили его остаться и читать еще.

В абсолютной тишине, как капли расплавленной стали, падали строчки его стихов:

Все за нас теперь на свете
Здесь и там, здесь и там...
Даже ветер, красный ветер,
Что несется по полям...

Это из «Астурийской» — песни горняка, которую Альберти написал в память горняцкой борьбы, в память красной крепости — Астурии.

И вот прозвучали последние строчки.

Ты, земляк, готов ли к бою?
— Да, земляк. Я за тобою!

Через два с половиной месяца испанский народ взялся за оружие, чтобы отбить остервенелую атаку фашистских мятежников.

Должно быть, большинство присутствовавших на митинге в «Европе» и аплодировавших стихам Рафаэля Альберти сейчас сражается где-нибудь в ущельях Сиера Гвадаррама или форсированным маршем идет на Сарагоссу, чтобы скорее выбить из нее банды врага.

«— Да, земляк. Я за тобою» — говорит поэт Рафаэль Альберти и, отбросив в сторону перо, берется за винтовку.

Где он? На подступах ли к Сарагоссе, или вместе с астурийскими шахтерами осаждает Овиедо, или, может быть, засел в горах, отбивая наемников генерала Мола, пытающихся прорваться к Мадриду?

Мы знаем только, что наш друг Альберти сражается вместе с рабочими, крестьянами Испании за свободу своей страны.

Мы знаем также, что он вдвойне сдержал данное слово. Не только писать для трудящихся, но и бороться вместе с ними, не только воспевать революцию, но и умереть за нее, если понадобится, готов талантливейший испанский поэт, товарищ Рафаэль Альберти.

ВЛ. ДМИТРЕВСКИЙ.

ЛИТЕРАТУРА СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ В СССР

Каждая правдивая книга об Испании представляет сейчас для советского читателя особый интерес. К сожалению, мы не очень избалованы книгами испанских писателей, знакомящими нас с жизнью их родины.

Гослитиздат с 1932 года выпустил всего 10 книг испанских писателей: «Вольфрам» Сесар Вальехо, «Крестьяне» Хоакин Ардериуса, «Донья Перфекта» Бенито Перес Гальдос, «Бедняки против богачей» Сесар Арконада, «Испанские крестьяне» — стихи Рафаэля Альберти, «Арена Иберийского цирка» Валье Инклана и три книги Рамон Х. Сендера: «Магнит», «Семь красных воскресений» и «Общественный порядок».

Сейчас Гослитиздат готовит к печати новую книгу Сендера — «Мистер Уитт» и недавно вышедшую в валенсийском издательстве «Вердал» повесть испанского революционного писателя Вальдеса «Астурия».

«Астурия» — это рассказ о пережитом во время октябрьского восстания горняков в Испании.

«В моей книге, — пишет А. Вальдес, — нет ничего выдуманного. Каждое слово, каждый тип исторически оправданы и находят себе подтверждение в грандиозной эпохе астурийского восстания. Герой книги — рабоче-крестьянская власть в Астурии, сюжет — 15 дней борьбы за власть».

Книга эта воскрешает десятки и сотни образов героев, сражавшихся за дело революции. Ведущий персонаж повести — коммунист Риос.

Вальдес предназначает свою книгу для массового читателя народного фронта, для всех друзей революционной Испании, он посвящает ее товарищам, убитым в боях, раненым и заключенным в тюрьмы и еще «товарищам из СССР, давшим мировому пролетариату замечательный пример победы, энергии в борьбе за свободу...»

ГРУЗИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Перед тем как покинуть пределы Грузии, Андрэ Жид долго беседовал в Сухуме с сопровождавшими его грузинскими советскими писателями — Тицианом Табидзе, К. Лордкипанидзе и Д. Деметрадзе. Разговор касался издания избранных произведений грузинских писателей на французском языке.

— Все то, что я слыхал в Москве о грузинской поэзии и с чем я успел познакомиться во время моего пребывания в Грузии, приводит меня к мысли о необходимости поставить хорошо дело издания грузинских писателей в Париже. Об этом я буду говорить с своими друзьями и с издательствами.

Союз советских писателей Грузии обещал Андрэ Жиду составить список произведений грузинской классической и современной литературы, которые было бы желательно перевести на французский язык.

Для французского издания грузинских авторов Андрэ Жид напишет предисловие и сам переведет несколько стихотворений и прозаических произведений.

Андрэ Жида очень заинтересовало сообщение грузинских писателей о французском прозаическом переводе бессмертной поэмы Руставели — «Носящий тигровую шкуру», сделанном в свое время покойным академиком М. Броссе и обнаруженном недавно в его архиве. Французский писатель просил своих грузинских собратьев переслать ему копию, после того как перевод будет сверен в Комитете Руставели.

Грузинские писатели рассказали Андрэ Жиду о грузинских переводах французских писателей. Андрэ Жид остался очень доволен, узнав, что грузинские читатели имеют возможность читать на родном языке Гюго, Флобера, Франса, Мопассана, Бальзака, Стендаля, Мериме и других больших писателей дружественной нам Франции. Андрэ Жид подчеркнул большое культурное значение ранних грузинских переводов Монтескье, Вольтера и Расина.

В заключение Андрэ Жид просил писателей передать грузинским товарищам, что его путешествие по Грузии останется для него одним из лучших воспоминаний всей жизни.

ПИСЬМО В ДВА АДРЕСА

Ф. ЛЕВИН

1. О СУЩЕСТВЕ СПОРОВ

В огромном ворохе цитат из писаний И. Нусинова и М. Лифшица, цитат, швыряемых полемистами в лицо друг другу на страницах «Литературной газеты» и «Литературного Ленинграда», в усердном нагромождении все новых и новых ошибок грозит затеряться существо спора, его рациональное зерно, которое только важно для развития марксистского литературоведения и интересно читателю.

Зерно это заключается в том вопросе, который ребром поставлен в известном введении К. Маркса к его работе «К критике политической экономии».

«Однако трудность заключается не в том, — писал Маркс, — чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны известными формами общественного развития. Трудность состоит в понимании того, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недосягаемого образца».

Вот вопрос, который призваны разрешить наши литературоведение и критика, вопрос, который с особой настоятельностью встал именно теперь, в эпоху социализма.

В самом деле, все более и более широкие массы трудящихся нашей страны вовлекаются в грандиозный процесс культурной революции, овладевают тем лучшим в культурном наследстве, что накоплено человечеством, принимают активное, сознательное участие в развитии социалистической культуры. Подрастает новая советская молодежь, за книгу берутся стар и мал, переполнены театры, музеи, огромные тиражи классиков художественной литературы взялся как в бездонную бочку, не будучи в силах насытить всепоглощающий спрос. Но рука об руку с художественной литературой, классической и современной, идет учебник по литературе, идут критическая книга и статья, в которых ищут помощи, чтобы лучше понять художественное произведение, разобраться в его достоинствах и недостатках, глубже понять его идеи и образы, разобраться в его историческом и современном значении.

Как раз с учебниками по литературе, с критическими книгами дело обстоит у нас плохо. Это ведь факт, что до сих пор еще нет вузовских учебников по истории, например, русской литературы XVIII, XIX, XX веков, по современной советской литературе. Загляните в наркомпросовские программы по литературе,—что рекомендуется читать студенту? Статью, затерянную в каком-либо из журналов за прошлые годы, предисловие к одному из изданий классиков, — это в лучшем случае, а очень часто рекомендуется прочесть заметку из «Литературной энциклопедии» на соответствующее слово. Если даже «Литературная энциклопедия» была свободна от недостатков и ошибок (а их у нее хоть пруд пруди, в том числе и политических), и тогда обращение к ней есть только «первая помощь». А она зачастую призвана заменить учебник.

Сам по себе этот факт требует самого пристального внимания. Надо немедленно создать коллектив авторов, об'единить лучшие силы и создать курс истории литературы прошлых веков, XX века, курс истории советской литературы.

Ближайшее отношение к созданию этого курса имеет проблема, поставленная Марксом. Она должна быть решена и развернута на конкретном материале истории литературы: ответ на вопрос, поставленный Марксом, должен быть содержанием этого курса, сама эта постановка проблемы должна стать руководящей методологической нитью.

В самом деле, разве это указание Маркса относится только к грекам или к Шекспиру, а не ко всему искусству прошлого?

Мы наследуем великие произведения литературы и искусства, созданные зачастую много веков назад, созданные в иные исторические эпохи, проникнутые идеями иных времен, от которых мы ушли далеко вперед. Возникает вопрос, почему литература и искусство, созданные представителями классов, которые мы сметаем теперь в мусорную яму истории, продолжают доставлять материал для просвещения народных масс, для воспитания и образования нашей молодежи, комсомола, рабочих и колхозников Советской страны, почему это искусство доставляет эстетическое наслаждение читателю, зрителю, слушателю, живущему в эпоху социализма?

Огромный вред, причиненный и причиняемый так называемым пуль-

В порядке обсуждения.

гарным социологизмам, заключается прежде всего в том, что его представители совершенно игнорировали именно этот марксов вопрос. Все свое внимание они направляли на то, чтобы выяснить связь того или иного произведения искусства с определенными формами общественного развития, с определенным классом, с определенной классовой группой. Но и эту, более легкую, часть задачи вульгарные социологи выполняли плохо и неверно, ибо само понимание классовой борьбы, истории, выражения классовой идеологии в искусстве было и остается у них механистическим, вульгарным, говоря политически, меньшевистским.

Наиболее ярким выражением этой теории явилась переверзевщина, изолирующая классы друг от друга, отводящая художнику только роль рупора своей классовой группы, отрицающая возможность познания и изображения художником других классов, а отсюда и возможность влияния и воздействия на другие классы.

Разгром переверзевщины еще не был, однако, разгромом всего вульгарного социологизма, всех его форм и оттенков, очень живучих и до сих пор очень сильно распространенных в нашем литературоведении, в школах и вузах.

Вот передо мной учебник по русской литературе, принадлежащий коллективу авторов: Каряжину, Кременскому, Мамонову, Федлерсу и Цветаеву, заглавие его «Русская литература». Рабочая книга для подготовки в вуз. 3-е издание. Издательство «Работник просвещения». Москва, 1930 год. Он являет собой яркий образец вульгарной социологии.

Конечно, авторы этой книги не «мэтры» литературоведения, но они — разносчики и популяризаторы «идей» столичных профессоров. Конечно, книга издана в 1930 году, но по ней готовятся к экзамену поступающие в вуз в 1936 году. Всего несколько дней тому назад я был свидетелем того, как девушка готовилась по этой книге к экзаменам в геологоразведочный вуз. А сколько еще подобных изданий гуляет по рукам нашей молодежи!

Однако, что же бросилось мне в глаза в этой книге? Прежде всего структура ее. Содержание распределено по главам не на основании какой-либо схемы русского исторического процесса, не хронологически, а по «классовому признаку». Литература дворянства, литература разночинной народнической интеллигенции и т. д. Не говоря уже о том, что не всякий разночинец был народником, не говоря о том, что интеллигенция не класс, что это деление на главы в достаточной мере безграмотно, заглянем в содержание глав. В литературу дворянства целиком отнесен Толстой, и таким образом предан забвению перелом в мировоззрении Толстого, сделавший его выразителем идей патриархального крестьянства. В раздел литературы разночинной народнической интеллигенции вместе с Глебом Успенским отнесены Некрасов и Салтыков-Щедрин, и таким образом соратники Чернышевского и Добролюбова, революционных крестьянских демократов, без дальних рассуждений зачислены в народники.

Анализу «Горя от ума» предшествует исторический экскурс в духе истории Покровского и, разумеется, развитие хлебного экспорта непосредственно связывается с возникновением гениальной комедии как ее первопричина и основание. На основании двух выдержек из комедии: слов Фамусова, обращенных к Лизе, в которых он угрожает отослать ее «к птицам», и обращения к Филько и Лизе с угрозой отослать их в деревню Грибоедов изобличается в равнодушии или невнимании к крепостному крестьянству.

Анализ образа Наташи Ростовой завершается выводом, который гласит, что в ее образе Толстой выразил феодально-поместный взгляд на женщину. Короче говоря, весь учебник представляет собою «проработку» классиков за то, что они не были пролетарскими революционерами, за их классовую и историческую ограниченность, за то, что они того-то и того-то «не поняли».

Весь учебник есть развернутое свидетельство о политической и классовой неблагонадежности классиков. Авторам, повидимому, и невдомек, что этим подходом к наследству они заслоняют его, мешают понять, оценить, полюбить то ценное, великое, что создали классики литературы. Первое и главное, что требуется от учебника по литературе, состоит в том, чтобы раскрыть величие классиков, показать, что их произведения представляют собою шаг вперед в историческом, познавательном, идейном, художественном отношении, показать победы реализма в этих произведениях, одержанные очень часто вопреки историческим и классово ограниченному мировоззрению самих творцов, раскрыть ту художественную силу, яркость, прелесть, полноту и глубину образов, благодаря которым произведения классиков продолжают волновать, воспитывать, приносят эстетическое наслаждение и в наши дни.

Если образ Наташи Ростовой есть только выражение феодально-поместных взглядов на женщину, то какое же значение может иметь он для нас, кроме очень узко-познавательного. Если, прочитав «Войну и мир», мы узнаем только, как дворяне смотрели на женщину, на брак, на войну, на дуэль и т. д. и т. п., то не слишком ли мало этого? Разве великое художественное произведение есть только выражение классовых взглядов, а не отражение об'ективной действительности сквозь призму классовых взглядов? Разве классовые взгляды — слепота, а не зрение? В классовом обществе не может быть художника, свободного от классовых интересов, внеклассового, наддассового. Но классовые интересы не трехгранение, не близорукость, а реальность, факт. В исторических и классовых границах происходит познание об'ективного мира. Вот это нужно уметь видеть, а не третировать великанов прошлого за то, что они не имели социалистических взглядов на женщину.

«И противоречия в взглядах Толстого, — писал Ленин, — надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней». В этих строках Ленина из статьи «Лев Толстой как зеркало русской революции» содержится важнейшее методологическое указание. Развивая его, Ленин писал: «Толстой сменил, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества,—и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России».

В этих словах Ленина выступают обе стороны его оценки Толстого: и с точки зрения крестьянского протеста против капитализма, протеста, который выразил Толстой, и с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма, для которого Толстой-пророк смешон.

Вульгарные социологи мерят великих писателей прошлого меркой 30-х годов XX века в Советском Союзе.

Очень легко показать, что взгляды Пушкина не выдерживают критики с точки зрения современного социализма (и такая критическая оценка необходима, но недостаточна), но ведь надо понять, почему

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль.

Литературное, художественное значение и величие классиков совсем ускользает из поля зрения вульгарных социологов. Занятые усердной «проработкой» классиков, они совершенно закрывают путь к их эстетической оценке. В учебнике по литературе не оказывается литературы. А между тем образ Наташи Ростовой не только выражает взгляд Толстого на женщину, и мы не только знакомимся с тем, как жила и воспитывалась дворянская девушка начала XIX века. Если значение литературы было только в этом, то чем бы она отличалась от научной книжки! Помимо познавательного значения образ Наташи Ростовой имеет еще «нечто», и это «нечто» заставляет молодую советскую работницу, колхозницу волноваться, переживать, читать «Войну и мир» с увлечением, восхищением, восторгом. Переживания Наташи, ее любовь к Андрею Волконскому, к Пьеру Безухову, ее танец в гостях у дядюшки после изумительной картины охоты, сцена у матери в спальне — все это огромное реалистическое искусство.

Из учебников вульгарно-социологических теоретиков вузовец не узнает, почему произведения Толстого, Пушкина, Гоголя доставляют эстетическое наслаждение, в чем их прелесть. Учебники по литературе и критические статьи не воспитывают эстетически нашу молодежь. А такое воспитание необходимо, потому что эстетический вкус вырабатывается, создается не сразу и не одним только чтением самой художественной литературы. Вспомним, что Белинский, Добролюбов, Чернышевский не только раскрывали идейный и общественный смысл литературы, но и приучали любить литературу. Наши учебники и статьи этого не делают. Богатство и величие классиков печезают за голыми социологическими определениями. Прав М. Лифшиц, когда говорит, что вульгарные социологи вынуждены здесь «одолжаться» у формалистов и бормотать общие места насчет «мастерства» классиков.

То же самое сплошь и рядом имело место в отношении современных советских писателей. Возьмем старую рапповскую критику, возьмем наркомпросовские программы по со-

Окончание см. 4 стр.

ветской литературе для вузов (сейчас эти программы пересматриваются). Творчество Федина, Леонова, Шагинян, Н. Тихонова и многих других рассматривалось там как «идеология мелкобуржуазной интеллигенции, поворачивающей к пролетариату».

Я вовсе не хочу сказать здесь, что творчество этих писателей было и остается сейчас идеологически безупречным, что эти писатели не прошли за годы революции сложный путь развития к пролетарскому мировоззрению и что этот путь не во всем еще завершили. Все это так, но ведь кошки только ночью все серы. У каждого из этих писателей есть свои темы, свое лицо, свой путь, и дело заключается не только в том, чтобы указать, в чем они «не дошли до социалистического реализма», но и в том, чтобы показать, что же им удалось сделать, что они отразили, в чем двинули вперед советскую литературу идейно, тематически, художественно. Нужно понять, раз'яснить и раскрыть читателю и то, что имп достигнуто.

Рапповская критика заботилась не столько об этом, сколько о «проработке». Поэтому то (это одна из причин) она и проглядела тот исторический момент, когда бешено критикуемая ею литература «попутчиков» (перед которыми она настойчиво ставила вопрос: союзник или враг?) превратилась в единую советскую литературу. Потребовалось мудрое вмешательство ЦК партии и историческое постановление о ликвидации РАПП, чтобы выправить положение. Но в критике нашей и по сию пору живут вульгарно-социологические тенденции.

А ведь наша литература хотя и очень сильно отстает от растущего, бурно развивающегося социализма, от роста социалистической культуры, от требований масс, но все же она самая передовая, самая идейная в мире литература.

И нужно уметь конкретно показать и ее отставание, ее крупнейшие недостатки и слабости, но вместе с тем и ее огромную силу.

Вульгарный социологизм очень еще живуч и распространен. Борьба с ним, разоблачение его составляет важнейшую задачу, и борьба эта вплотную подводит нас к необходимости решать проблему, поставленную Марксом, о которой было сказано в начале этой статьи.

Книги

По Сталинскому маршруту

Советские летчики вписали в историю мировой авиации героические страницы. С именами наших летчиков связаны крупнейшие победы. За последние годы они завоевывают все новые и новые рекорды, оставляя позади себя лучших авиаторов капиталистических стран.

Страна Советов любит своих отважных летчиков и гордиться их победами. Ни в какой другой стране имена героев-летчиков не подняты на такую высоту, как у нас. Вся страна следит за их полетами и вместе с ними переживает торжество победы, вместе с ними волнуется и радуется.

Дальний беспосадочный полет окончен. Герои Советского Союза В. Чкалов, Г. Байдуков, А. Беляков на пути в Москву.

К их прилету Партиздат выпустил изящно оформленную книжку «По Сталинскому маршруту». В ней помещены интересные очерки о героях беспосадочного полета и статьи М. М. Кагановича, А. Н. Туполева, М. Слепнева, О. Ю. Шмидта, Г. Ушакова, Героев Советского Союза М. Водопьянова, М. Громова и др.

Герой Советского Союза М. Водопьянов так характеризует работу советских летчиков.

«Кто бы из нас не счел для себя величайшей честью отправиться в такой трудный перелет во славу нашей прекрасной родины. И я уверен, что в нашей стране найдутся сотни и тысячи прекрасных летчиков, готовых в любую минуту выполнить самое ответственное задание партии, с какими бы трудностями оно ни было сопряжено».

В сборнике помещены рассказы самих участников героического перелета: В. Чкалова — «Наш полет», Г. Байдукова — «Ночь над землей Франца-Иосифа» и «Через Охотское море», А. Белякова — «Последний этап» и «Поездка». Эти рассказы вводят читателя в курс событий перелета и знакомят его с интересными деталями.

«Наш перелет—пишет В. Чкалов—показал, что для советской авиации нет предела в полетах ни по югу, ни по северу. Советские самолеты могут летать всюду и всегда».

Вся мировая печать отметила героизм участников беспосадочного перелета.

Знаменитый французский авиатор и авиаконструктор инженер Луи Блерио сообщал по телефону редакции «Правды» свое мнение о перелете:

«Этот перелет будет иметь большое значение, поскольку он сопровождался длительной, образцовой подготовкой и был совершен в чрезвычайно трудных условиях».

Сборник «По Сталинскому маршруту» увлекает читателя. Собранные в нем материалы дают полное представление о дальнем беспосадочном полете и героях этого полета — В. Чкалове, Г. Байдукове и А. Белякове.

Партиздат с честью выполнил задание, показав образец исключительной оперативности.

В. ТИТОВ.

Героический беспосадочный перелет Москва—Северный Ледовитый океан—Камчатка—Николаевск на Амуре 20—22 июля 1936 г. Партиздат ЦК ВКП(б) 1936 г. Сборник составлен по материалам, опубликованным в газетах «Правда» и «За Индустриализацию» 21—27 июля 1936 г. Стр. 228. Ц. 2 р.

Рассказы о мужестве

Когда-то тургеневский Рудин, тяготясь вынужденным бездельем в условиях царской России, горько признавался: «Боже мой! В тридцать пять лет все еще собираться что-нибудь сделать!»

Гражданину СССР эти переживания «лишнего человека» не знакомы. Содержательная жизнь многомиллионного коллектива полна великих дел, трудового энтузиазма, увлекательных подвигов. На смену «лишним людям» пришли строители новой жизни, изумляя мир беспримерным мужеством и отвагой. Этим новым людям нашей великой эпохи посвящен сборник «Рассказов о мужестве» *.

Сборник составлен из материалов, печатавшихся на страницах «Комсомольской правды» по вопросам коммунистического воспитания молодежи и практики комсомольской работы. В основном это художественные очерки о знатных людях нашей страны, написанные литераторами (В. Охрименко, Ю. Жуков, С. Нариньяни и др.). Остальные произведения являются рассказами самих участников героических событий (рассказы героя Советского Союза т. М. Водопьянова, радистки-орденоноски мыса Уэллен т. Л. Шралер, быв. начальника острова Врангеля т. Минеева и др.) или стенографической записью их выступлений и бесед (орденоноски-парашютистки О. Яковлевой, рабочего Н. Козлова — сподвижника т. Водопилова в годы гражданской войны).

Сборник включает обширную галерею портретов. Тут славные челюскинцы и их самоотверженные спасители-летчики, легендарные герои гражданской войны и стахановцы современной Красной армии, подводники и парашютисты, лыжники и охотники, писатель Николай Островский и ученые Вериго, Пестинский и Сорокин.

Поразительное мужество этих людей проявляется всюду и во всем: в вооруженной борьбе и в мирной обстановке социалистического строительства, среди льдов Арктики и в знойных песках Средней Азии, в морских глубинах и в стратосферных высотах, у рабочего станка и в научно-исследовательских кабинетах.

При строгой фактичности и достоверности материала рассказы полны необычайных событий. «Рассказы о мужестве» наглядно показывают, как много яркого, сюжетно-острого материала дает советскому писателю окружающая жизнь.

Рецензируемая книга не претендует на большую художественную значимость. Она не дает широких художественных обобщений. В ней лишь беглые портретные зарисовки замечательных людей. И все же переиздание этих материалов «Комсомольской правды», имеющих далеко не однодневную ценность, следует признать нужным и полезным. В редакционном предисловии к сборнику правильно отмечается, что «эти рассказы достаточно поучительны для нашей молодежи». Можно добавить к этому, что их воспитательное и познавательное значение велико не только для молодежи, но и вообще для массового читателя.

П. БЕРЕЗОВ.

*** «Рассказы о мужестве». Сборник составлен Л. Платовым и Ю. Жуковым под общей редакцией В. М. Бубекина.** Изд-во «Молодая гвардия», М. 1936 г., стр. 129, тираж 50.000, Ц. 1 р.

Дирекция мадридских трамваев «Сиуда линеаль», несмотря на декрет правительства, отказалась принять рабочих, уволенных в октябре 1934 г. Тогда рабочие взяли управление трамваем в свои руки. Они нашли изношенный материал, пустую кассу, запущенное счетоводство, огромную задолженность. В течение двух недель они добились повышения доходности. Вагоны «Сиуда линеаль» теперь помечены магическими буквами «UHP».

(И. ЭРЕНБУРГ).

Рыбаки Астурии привыкли к штормам: день и ночь они борются с океаном. В октябре 1934 г. рыбаки Хихона взялись за оружие: они пришли на подмогу шахтерам.

(И. ЭРЕНБУРГ).

(Из художественного альбома «Испания», выпускаемого Изогизом, — текст И. Эренбурга, фото — И. Эренбурга, Майо, Шима и др.).

Гиганты шахматного мира

Советский Союз зовут на Западе «шахматным Эльдорадо». Дело не только в массовом распространении шахматной игры, не только в наличии миллионов любителей и многих тысяч квалифицированных шахматистов. Шахматы в СССР признаны фактором культурного развития. Эта игра-искусство перестала быть у нас развлечением для немногих и заняла определенное место в системе культурного воспитания масс.

Естественно, что принципиально новое отношение к шахматам как к своеобразному виду искусства привлекло за собой и новый интерес к крупным представителям шахматной мысли. На них перестали смотреть с чисто спортивной точки зрения. В них перестали видеть только борцов, сражающихся на шахматной арене и завоевывающих некоторое количество очков в турнирной таблице. В них признали наряду с этим и художников-творцов, мыслителей. И совсем не случайно появление в серии «Жизнь замечательных людей» книги, посвященной двум величайшим шахматным гениям — Стейницу и Ласкеру *. Эта «шахматная книга для нешахматистов» вряд ли могла бы появиться на Западе, где шахматная литература предназначается и приобретается лишь небольшим кругом квалифицированных любителей.

Мих. Левидов поставил перед собой нелегкую задачу: в книге для нешахматиста дать портреты Стейница и Ласкера, выявить их роль и место в развитии шахмат, своеобразие их творческого лица. Основная трудность заключается в том, что автор сознательно оперирует очень ограниченным чисто шахматным материалом (партии), а понять «тайну творчества» шахматного мастера, не видя и не вникнув в его партии, почти невозможно. С другой стороны, если дать большое количество партий (как это делали в своих трудах Р. Рети и др.), то книга перестает быть «книгой для всех» и превращается в «книгу для шахматистов», в некое шахматное пособие.

Нужно сказать, что Мих. Левидову в общем удалось преодолеть эту основную трудность. Обе монографии читаются с большим интересом, и даже человек, мало искушенный в истории и теории шахмат, получает общее представление о творце современной шахматной науки — Стейнице и гениальном его продолжателе Ласкере. Очень сжато и скупо описывая жизнь этих людей и их борьбу за новые пути шахматного искусства, Мих. Левидов вводит читателя в мир их творческих принципов и устремлений и в популярной форме излагает основы «стейницианства» и философию Ласкера-шахматиста. Если для квалифицированного шахматиста, знакомого с трудами теоретиков, в высказываниях Левидова и не найдется ничего особо нового, то широкие круги читателей впервые получают возможность подлинного знакомства с наиболее интересной страницей шахматной истории.

Это не должно означать, что в работе Мих. Левидова нет ничего оригинального. Напротив, его концепция трагического образа Стейница, его попытка расшифровать по-новому «тайну» Ласкера очень свежи и заслуживают внимания. Но как и всякие гипотезы, не подкрепленные достаточным шахматным материалом, они спорны.

Шахматным «законам» Стейница Левидов противопоставляет индивидуализм Ласкера. Это противопоставление неверно, если брать стейницевские законы в широком историческом аспекте. Гений Ласкера получил возможность развиться благодаря тому, что законодателю Стейницу удалось сформулировать научные основы шахматной партии. Конечно, не все стейницевские «правила» равноценны, кроме того, сам Стейниц не был диалектиком и часто впадал в схематизм, — об этом очень хорошо рассказал сам же Левидов. Но основы стейницевского учения потому и составили эпоху в шахматном искусстве, что, создав для него научную базу, открыли простор для развития своеобразного, глубоко индивидуального творчества таких гигантов, как Ласкер.

Портрет Стейница — человека, мыслителя и борца — больше удался Левидову, чем образ Ласкера. Очень интересна попытка связать возникновение научной школы Стейница с общественными и научными веяниями его времени, но эта правильная мысль не получила своего развития, как и попытка расшифровать влияние современных идей буржуазной философии на ласкеровскую «науку о борьбе».

Излагая историю жизни Стейница и Ласкера, Левидов дает портреты ряда выдающихся шахматных мастеров. Конечно, это только беглые зарисовки, но нам кажется, что и эти эпизодические фигуры могли быть показаны ярче и выпуклее.

Книгу Левидова — первый опыт популярной монографии о замечательных шахматистах — следует признать удачной, несмотря на наличие в ней спорных утверждений. Написана она живо и легко.

С. ЛЕВМАН.

*** Мих. Левидов. Стейниц. Ласкер.** С предисловием Н. В. Крыленко. Серия «Жизнь замечательных людей». Жургазоб'единение. М. 1936. Стр. 303. Ц. 2 р.

За рубежом

«ЗАЧЕМ ИМ ЖИТЬ»

Известный американский бактериолог и писатель Поль де Крюи, автор книг «Охотники за микробами» и «Зачем им жить», напечатал в американском молодежном революционном журнале («Чемпион молодежи») статью, где он вновь (см. «Лит. газету» от 10 мая с. г.) с негодованием отмечает, что все открытия науки, побеждающие болезни и смерти, бесполезны и недоступны для миллионов бедняков, живущих в ужасных условиях капиталистической эксплоатации. «Каждую неделю, — пишет де Крюи, — я получаю по нескольку писем от юношей и девушек в возрасте от 14 до 24 лет. Все они пишут мне о том, что мои книги вызывают у них желание посвятить себя научной деятельности, но у них нет средств и они не знают, как им жить. Эти письма заставляют меня чувствовать себя подлецом, мне стыдно за то, что я написал книги, возбуждающие ложные надежды у этих детей, желающих заниматься наукой в обществе, которое официально воспевает науку, а фактически плюет на нее. Но так или иначе мои книги уже написаны и теперь предо мной встает вопрос: что же дальше?

«Поклонники Муссолини находят, что у нас слишком много ученых и что мы не в состоянии использовать все достижения нашей науки. Этот аргумент и подводит нас к сути дела. В течение ближайших лет развернется борьба, которая приведет к смерти старого социального порядка и к рождению нового. Мы не можем использовать достижения нашей науки, потому что у власти находится кучка стяжателей, которые считают, что они предохранят себя и свои семьи от всех бедствий, в частности от туберкулеза, если они заставят умирать от него массу бедняков... Эти люди враги науки и молодежи. Что же мне сказать юношам, увлеченным красотой науки? Что бы я сделал, если бы я должен был начать сначала, если бы мне суждено было пережить снова последние двадцать пять лет работы, но уже вооруженному опытом, увидевшему крушение науки? Я бы постарался твердо запомнить, что прежде чем стать исследователем, нужно бороться за изменение жизни в Америке, пока лозунг «я для себя и своих» не будет заменен лозунгом «мы для нас».

АНТИФАШИСТСКАЯ НЕМЕЦКАЯ ПРЕССА О М. ГОРЬКОМ

Журнал «Ди нейе Вельтбюне» поместил статью Арнольда Цвейга о М. Горьком, стихотворение умершего поэта Курта Тухольского, посвященное Горькому, и высказывания о великом писателе К. Осецкого, находящегося в фашистском концлагере в Германии.

Бюллетень «Сегодня и завтра» напечатал отрывок Горького из его «Разговоров с Толстым». Журнал «Дас нейе Тагебух» поместил большую статью Бальдера Ольдена о Горьком. «Дейтше фольксцейтунг» посвятил памяти Горького страницу, дал обширный материал: даты из жизни Горького и статью Вейскопфа «Поэт народа».

«МЫ ИЗ КРОНШТАДТА» В ПАРИЖЕ

В 24 номере «Ди нейе Вельтбюне» помещена интересная заметка Генри Норда о советском фильме «Мы из Кронштадта».

В одном из самых больших кино Парижа идет русский фильм. Изо дня в день все билеты с 11 часов утра и до полуночи распроданы. «Мы из Кронштадта» пользуется беспримерным успехом, не проходит ни одного сеанса без аплодисментов, восклицаний и слез. Полиция контролирует вход. В одной из захватывающих сцен матросы запевают «Интернационал». Зрители вскакивают, поют, обнимают друг друга. Парижанин изменил своей привычке быть спокойным в кино. В короткие перерывы между сеансами собираются группы, обсуждающие фильм, и некоторые спешат посмотреть его во второй раз. Перед последним сеансом на бульваре толпятся желающие получить билет, а если пройдешь здесь же в половине второго ночи, то увидишь, как возбужденные люди оживленно спорят, поют. Все это показывает, как глубоко взбудоражено парижское население советским фильмом «Мы из Кронштадта».

НАРОДНЫЙ ТЕАТР ВО ФРАНЦИИ

Интерес к созданию народного театра во Франции настолько велик, что даже «Комедия»—газета буржуазного толка, печатающая главным образом литературные анекдоты, перечень восходящих кинозвезд и забытые стихи забытых поэтов, уделила на своих страницах не мало места этому движению. «Комедия» не только поместила интервью Ромэн Роллана о постановке его пьесы «14 июля» и его письмо о задачах и целях народного театра, но и посвятила целый развернутый газетный лист заметкам и письмам членов Французской ассоциации революционных писателей — А. Мальро, Кассу, Рено Блэк и др. по поводу создания народного театра, задач Дома культуры и организации пролетарского досуга.

«СССР СЕГОДНЯ»

Молодой румынский писатель и журналист Александр Сахла написал книгу об СССР. Автор побывал у нас в качестве туриста в 1934 году и в течение 3 месяцев об'ездил Советский Союз, собрав много материалов о жизни рабочих, колхозников, интеллигенции. Побывал А. Сахла и в Молдавской республике, которой уделяет много места в своей книге.

Отдельные главы в книге посвящены положению детей и школьников в СССР, искусству и театру, процветанию колхозного хозяйства, строительству советских городов, положению народностей Советского Союза и т. д.

Подробно описывает А. Сахла Днепрострой, фотографический снимок которого красуется на первой странице книги, а также Киев, Горький, Запорожье, Ленинград, Москву.

Книга написана простым и легким языком и была встречена с большим интересом читающей публикой в Румынии.

Румынская пресса поместила много отзывов о книге Сахла. Несмотря на то, что несколько желтых газет в Бухаресте пытались дискредитировать Сахла, широкие читательские массы Румынии тепло встретили книгу: первое издание было раскуплено в течение одной недели, потребовалось второе издание книги, в увеличенном тираже.

ПИСЬМО В ДВА АДРЕСА

НАЧАЛО СМ. НА 3-й СТР.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ
с И. САЦЕМ

Борьба с вульгарным социологизмом в литературоведении не тт. Лифшицем и Кеменовым начата и не ими кончится. Напрасно также эти товарищи полагают, что марксизм в литературоведении чуть ли не с них только и начинается. А между тем именно это, очевидно, имел в виду т. Лифшиц, когда писал о том, что он делает попытку «представить взгляды Маркса на общий ход исторического процесса с той стороны, с какой они до сих пор еще ни разу не излагались».

М. Лифшиц в своих статьях в «Литературной газете», воюя с вульгарным социологизмом, разоблачая взгляды И. Нусинова, делал этим полезное дело. Однако при этом он сам, а также и т. Кеменов в своей статье «Приземленный Шекспир» в «Советском искусстве», наделали немалое количество ошибок и дошли до извращения некоторых важнейших положений марксизма. Главный грех этих авторов заключается в антиисторическом подходе к классикам, в забвении их исторической классовой природы, в пренебрежении этой «стороной» дела.

А между тем все, что сказано в настоящей статье о вульгарном социологизме, вовсе не означает, что нам нет дела до классовой природы великих художников, что нам нет дела до их исторической и классовой ограниченности. Это есть азбука марксизма, и эту азбуку кое-кто начал забывать. Все это и выпудило меня выступить со статьей в «Литературной газете» от 30 июля. Тогда-то и произошло «поучительное происшествие», главным героем которого явился И. Сац, написавший ответ на мою статью.

К чему же сводятся возражения т. Саца, если отбросить полемическую шелуху?

Прежде всего т. Сац полагает, что я оклеветал М. Лифшица, когда писал, что он не может представить себе, как творчество дворянского или буржуазного писателя может быть народным.

В посрамление мое т. Сац приводит две цитаты из статьи М. Лифшица. Первая: «Может ли художник-аристократ отразить народное движение в своей стране? Этот взгляд **на произведения Толстого** решительно не вяжется с **догматическим** марксизмом меньшевистских ортодоксов». Вторая: «Мы знаем..., что гениальные одиночки из дворянства и буржуазии нередко становились настоящими народными писателями, несмотря на свои прирожденные и благоприобретенные классовые предрассудки».

Я вернусь сейчас к этим цитатам, но позвольте напомнить другие цитаты из самых свежих «критических заметок» М. Лифшица.

Цитата первая: «Ведь Пушкин был гениальным художником, а дворянство и буржуазия, как их ни дели на части и как их ни смешивай друг с другом в различных пропорциях, — всего только два паразитических общественных слоя».

Итак, дворянство и буржуазия «всего только два паразитических слоя» (класса, т. Лифшиц!).

Цитата вторая: «Произведения Пушкина, Гоголя, Толстого выводятся (вульгарными социологами) из домашних дел российского дворянства, из его «буржуазного перерождения», «оскудения» и т. д.

Из приводимых цитат видно, что, по М. Лифшицу, как великий художник Пушкин—не идеолог дворянства, ибо ведь дворянство — всего только паразитический слой. Если мы осмелимся заявить, что Пушкин — дворянский идеолог, то это означает по М. Лифшицу, что мы об'явили его защитником интересов эксплоататоров, т. е. защитником эксплоатации, т. е. крепостником и т. д. и т. п. Пушкин — великий художник, народный писатель и Пушкин — идеолог дворянства, — это как гений и злодейство, «две вещи несовместные». Разве это не ясно из приведенных мыслей т. Лифшица.

Теперь посудите сами, т. Сац, оклеветал ли я вашего подзащитного или сказал сущую правду о том, что это реальное противоречие не укладывается в его представлении о дворянстве и буржуазии. Но как же быть с теми двумя цитатами, которые привел т. Сац? Или т. Лифшиц сам себе противоречит? Нимало. Он вполне последователен. Лифшиц думает, что «художник-аристократ» может «отразить народное движение в своей стране». Художник-аристократ, но не идеолог аристократии. Он думает, что «гениальные одиночки из дворянства и буржуазии нередко становились настоящими народными писателями»... Одиночки из дворянства и буржуазии, но не идеологи дворянства и буржуазии.

Иначе говоря, т. Лифшиц признает, что выходцы из других классов, из паразитических классов могут стать народными писателями. Слова «художник-аристократ» имеют у т. Лифшица тот смысл, что этот художник принадлежит **по происхождению и по воспитанию к аристократии.** Вот и все.

Подумаешь, какое **открытие** в марксизме. Как будто мы и в самом деле не знали, что не всякий, например, пролетарский революционер обязательно пролетарий по происхождению, что пролетарским революционером может быть и выходец из другого класса.

Но т. Лифшиц, неужели вы в самом деле думаете, что когда Ленин называл декабристов «дворянскими революционерами», то он имел в виду их дворянское происхождение, а не характеристику тех идеологических границ, за пределы которых не могла выйти в целом их революционность?

Итак, никто т. Лифшица не оклеветал, т. Лифшиц действительно полагает, что идеолог дворянства не может быть народным писателем, а т. Сац просто не понял содержания тех цитат из статей т. Лифшица, которыми он думал меня сразить.

Все остальные «изобличения» меня в вульгарном социологизме т. Сац основывает на тех замечаниях о Гоголе, которые сделаны в моей статье. К этому вопросу мы и обратимся. Но вспомним прежде ту цитату из статьи И. Иванова, которая явилась яблоком раздора. И. Иванов писал: «Только сдавшись на капитуляцию и пережив громадный внутренний надлом, обусловленный ничтожностью тех общественных сил, которые могли противостоять николаевскому режиму, Гоголь начал проповедывать свою реакционную утопию. Это была измена освободительным идеалам...»

И. Иванов ссылался на «ничтожность общественных сил». Но ведь как раз в 40-е годы эти силы росли. Как раз в 40-е годы Белинский писал Анненкову: «крестьяне спят и видят освобождение». Белинский в эти годы уходил все дальше по революционной дороге. Как раз в середине 40-х годов произошел раскол в среде западников. В эти годы старый друг Белинского, Боткин испугался его растущих революционных настроений. В эти годы более резко происходило размежевание. Белинский умер, не дожив до германской и французской революций 1848 года, которые, разумеется, вызвали бы у него горячий отклик. Но Гоголь дожил и пережил 1848 год. Куда же годится ссылка на «ничтожность общественных сил, которые могли противостоять николаевскому режиму», как на причину реакционной проповеди Гоголя, его ухода в славянофильский лагерь. Не ясно ли, что И. Иванов в угоду своих построений пренебрег фактами истории.

В своей статье я обратил внимание на то, что «славянофилы об'ясняли сатиру Гоголя «потребностью внутреннего очищения». Какой смысл это имеет? Это показывает, что славянофилы считали Гоголя своим и яростно боролись против революционного истолкования и использования его критики помещичье-чиновных полицейских порядков. Белинский со своей стороны боролся за Гоголя. Гоголь был жив. За него шла борьба. Такая борьба не раз происходила в истории литературы. Разве не воспитывал Чернышевский Некрасова и Салтыкова-Щедрина? Разве не воевал Добролюбов за Островского?

Славянофилы боролись за Гоголя. И Белинский боролся за него. Славянофилы не пытались бороться за Белинского и об'яснять его критику «потребностью внутреннего очищения». Это было бы смешно. Белинский был революционный боец и ярый враг реакции. Бороться за Гоголя было не смешно. И в данном случае реакция победила. **Живой** Гоголь перешел на ее сторону. Он не был революционным бойцом. Но сатира Гоголя осталась страшным оружием освободительного движения, стала основой «натуральной школы», критического реализма. Здесь реакция понесла страшное поражение.

Белинский был прав, когда писал по поводу отречения Гоголя от своих сочинений: «А нам какое до этого дело? Когда некоторые хвалили сочинения Гоголя, они не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях, а судили о них сообразно с теми впечатлениями, которые они производили... Так точно и теперь, и мы не пойдем к нему спрашивать его, как теперь прикажет он нам думать о его прежних сочинениях и о его Выбранных местах из переписки с друзьями... Какая нам нужда, что он не признает достоинства своих сочинений, если их признало общество?»

Белинский был абсолютно прав здесь, как прав был и тогда, когда писал: «Важные же недостатки романа «Мертвые души» находим мы почти везде, где из поэта, из художника силится автор стать каким-то прорицателем — и впадает в несколько надутый и напыщенный лиризм. К счастью, число таких лирических мест незначительно в отношении к об'ему всего романа...

Но, к несчастью, эти мистико-лирические выходки в «Мертвых душах» были не простыми случайными ошибками со стороны их автора, но зерном, может быть, совершенной утраты его таланта для русской литературы...»

Вот что видел и понимал Белинский и вот чего не хочет видеть и понимать И. Иванов, а за ним и т. Сац, которые приукрашивают Гоголя под революционера, которые не умеют отделить суб'ективные устремления Гоголя (сказавшиеся в его произведениях) от об'ективного смысла и значения его творчества. И. Сац ссылку на славянофилов отвергает решительно. «Почему же собственно, — пишет он, — советский критик так уж должен быть озабочен продолжением традиций **реакционных** толкователей Гоголя?» Не передергивайте, т. Сац. Мы заботились не о продолжении традиций славянофилов, а только указывали, что Гоголь — не революционер, и приводили между прочим факт борьбы за Гоголя со стороны славянофилов. Значит, не пугать надо «продолжением традиций», а брать аргументацию по существу.

Я оставляю в стороне неудавшуюся попытку т. Сац приписать мне взгляды М. Храпченко, которые я нигде и никогда не защищал. Я полагаю, что т. Храпченко когда-нибудь сам наберется мужества выступить печатно с признанием своих ошибок или с защитой своих взглядов.

Я оставляю в стороне странное мнение т. Сац насчет того, будто «главные аргументы» мои «основаны на взглядах русской революционно-демократической критики прошлого века». По мере сил и умения я пытаюсь черпать главные аргументы в марксизме-ленинизме. Ссылки мои на Белинского имеют то значение, что Белинский 100 лет назад понимал то, чего не понимают И. Иванов и И. Сац сегодня.

И. Сац ссылается на Чернышевского и во многом совершенно правильно. Но когда он приводит слова Чернышевского о том, что Костанжогло — «это еще ничего не доказывает», И. Сац не знает, или не желает вспомнить, что Чернышевский боролся с молодой редакцией «Москвитянина» и отстаивал критический реализм Гоголя.

И. Сац правильно цитирует Чернышевского: «Изображение идеалов было всегда слабейшею стороною в сочинениях Гоголя, и вероятно не столько по однородности таланта, которой многие приписывают эту неудачность, сколько именно по силе таланта, состоявшей в необыкновенно тесном родстве с действительностью; когда действительность представляла идеальные лица, они превосходно выходили у Гоголя... Если же действительность не представляла идеальных лиц, или представляла в положениях, недоступных искусству, — что оставалось делать Гоголю? Выдумывать их? Другие, привыкшие лгать, делают это довольно искусно; но Гоголь никогда не умел выдумывать...»

Превосходно сказано. Но, т. Сац, не приходит ли вам вопрос: почему же Гоголь тщился изображать положительный идеал? И почему этот идеал рисовался ему в виде гомункулюса Костанжогло? И почему, например, Салтыков-Щедрин не соблазнялся таким идеалом? Есть ли разница между Гоголем и Салтыковым-Щедриным? Есть ли разница между народностью Гоголя и народностью Щедрина? И если есть, то для определения характера этой народности так ли уж безразличны взгляды Гоголя?

В том-то и дело, что такова была сила реализма Гоголя, сила его сатиры, что она оказалась сильнее его политических взглядов, его идеалов. Это превосходно понял Чернышевский.

Странная вещь. Энгельс писал Маргарет Гаркнес: «Правда, Бальзак политически был легитимистом. Его великое произведение — непрестанная элегия по поводу непоправимого развала высшего общества; его симпатии на стороне класса, осужденного на вымирание. Но при всем этом его сатира никогда не была более острой, его ирония более горькой, чем тогда, когда он заставляет действовать аристократов, мужчин и женщин, которым он глубоко сочувствует». И далее: «То, что Бальзак был принужден итти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков, то, что он **видел** неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, и то, что он **видел** настоящих людей будущего там, где в это время их только можно было найти, это я считаю одной из величайших побед реализма, одной из величайших особенностей старика Бальзака». Так писал Энгельс о Бальзаке, и И. Сацу и в голову не придет заикаться по этому поводу о вульгарном социологизме.

Если же мы говорим, что Гоголь был монархистом, что он никогда не мечтал о свержении самодержавия и ликвидации крепостного права, что он вздыхал по Костанжогло, что его симпатии принадлежали культурным и хозяйственным помещикам; если мы говорим, что вопреки своим классовым симпатиям и политическим предрассудкам его сатира никогда не была столь острой, его ирония столь горькой, как тогда, когда он изображал Манилловых, Ноздревых, Собакевичей, Плюшкиных, Коробочек, Хлестаковых, Сквозник-Дмухановских, если мы говорим все это, то, по т. Сацу немедленно оказываемся вульгарными социологами.

Вот какие поучительные случаи происходят с т. Сацем.

Ленин писал о том, что идеи Гоголя дороги всякому порядочному человеку на Руси. Но какое же право имеет т. Иванов или И. Сац на этом основании прикрашивать Гоголя под революционера?

А для чего это нужно? Это необходимо, чтобы заранее отвести всякий вопрос о характере народности тех или иных великих художников прошлого, чтобы отстранить вопрос о классовой природе их творчества.

Идеи социалистической народности искусства, выдвинутые в наши дни в статьях «Правды», проецируются в XIX, XVIII века, в эпоху Возрождения и отбрасывается особый характер народности классиков. Забываются и отбрасываются различия в народности Пушкина, Гоголя, Толстого. В хоре славословий ликвидируется их классовая принадлежность. Понятие народности обедняется и лишается всей своей сложности. Исчезает разница между народностью классиков и социалистической народностью. Антиисторическая постановка вопроса — вот корень всех этих извращений.

Теоретически взгляды М. Лифшица, И. Саца — ясны. Это — антиисторизм, ведущий к отказу от раскрытия классовой природы художника.

Практическая же их позиция напоминает кое-какие бытовые картинки. Рассказывают, что в давние времена к родителям невесты, кроме свата, являлся еще и подсват. Сват начинал: «Жених, которого мы предлагаем, богат». «Какое богат, — восклицал подсват, — он — Крез, Ротшильд!» — «К тому же он красив,— говорил сват». — «Какое красив! — подхватывает Сац со товарищи.—Он — Аполлон!»

Мы говорим — Гоголь — великий писатель-сатирик! — Какое! — подхватывает Сац со товарищи. Он — революционер, борец за освободительные идеалы!

Пожалуй, марксистская история литературы обойдется и без подсватов. И с вульгарным социологизмом тоже сама справится.

Несправедливо забытый писатель

(К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ И. А. КУЩЕВСКОГО)

Умный и наблюдательный, скептически настроенный, себялюбивый карьерист ведет дневник. Он зарисовывает окружающих его людей, дает им меткие и злые характеристики, срывает с них благочамеренные маски и делает это так остро и умно, что не знаешь, чему поражаться — беспринципности этого человека или таланту автора романа, сумевшего ни разу не сорваться с тона автобиографических записок своего героя.

Таково содержание романа «Николай Негорев, или благополучный россиянин», появившегося в 1870 г. на страницах лучшего «толстого» журнала того времени — «Отечественных записок».

Фамилия автора романа — И. Кущевский — не говорила ничего современному широкому читателю. Да и сам роман попал в редакцию «Отечественных записок» не совсем обычным путем.

Автор лежал в больнице. Это был молодой, никому неведомый человек без определенных занятий. Он был чернорабочим на патронном и чугунолитейном заводах, таскал кули на невской пристани, однажды оступился, упал в воду, простудился и попал в больницу. Здесь при свете свечей, которые молодой писатель приобретал на деньги, вырученные от продажи обеденных порций, он написал свой роман и рискнул послать его в редакцию «Отечественных записок».

Некрасов, бывший тогда одним из редакторов «Отечественных записок», внимательно отнесся к начинающему автору, посетил его в больнице, помог в материальном отношении и напечатал роман. В следующем, в 1871 г., роман «Николай Негорев, или благополучный россиянин» вышел отдельным изданием.

Некрасов не ошибся. О романе молодого автора заговорили и читатели и критика. На фоне литературной жизни начала 70-х годов это было свежее и яркое событие. Острый сарказм, которым пропитан роман, бил не в бровь, а в глаз тогдашнюю либеральную интеллигенцию.

Главный герой романа, «благополучный россиянин» Николай Негорев, представляет собой тип буржуазного интеллигента, который ради карьеры безжалостно рвет с либеральными увлечениями молодости и прежними друзьями. Именно яркой обрисовкой этого нового для той эпохи типа Кущевский угодил современной критике и читателю. Во времена Кущевского бурно протекал процесс классового расслоения более или менее единой до тех пор интеллигенции. Одна часть интеллигенции, разочаровавшись в «великих» реформах, шла на службу новой буржуазии; другая, более демократическая и более тесно связанная с массами, уходила в «народ», зачиная новое, народническое движение.

В романе яркими красками описано либеральное «болото» — восторженные юнцы и девицы, либерализм которых не простирается дальше словесных сотрясений воздуха. Высокомерный и подловатенький «либерал» из баричей. Володя Шрам, пытается организовать «тайное» общество полумасонского типа с весьма туманными целями. Батея эта, как и следовало ожидать, кончается полицейским разгромом.

Таким образом острие сатиры Кущевского было направлено одновременно как против буржуазных приспособленцев, так и — если не в большей степени — против того поверхностного и трусливого буржуазного либерализма, о котором Н. В. Шелгунов говаривал в свое время: «сегодня он революционер, а завтра — сикофант».

Помимо глубокого социального значения роман Кущевского отличался и большими художественными достоинствами. «Автор проявил меткую наблюдательность в обрисовке различных типов либеральной и демократической интеллигенции. Острый и беспощадный сарказм перемежается в романе с веселым, добродушным юмором при обрисовке положительных героев. За этот юмор современная критика прозвала Кущевского «русским Диккенсом».

Острая тема, необычный подход к ней, большое мастерство рассказа, яркий и выразительный язык — все это обеспечило, казалось бы, роману Кущевского неувядаемую славу в истории русской литературы. Но случилось иначе.

Когда Кущевский перешел от «большого полотна» к писанию маленьких рассказов, читатели и критики отвернулись от него. А между тем в своих «Маленьких рассказах» (СПБ, 1875 г.) и в «Неизданных рассказах», вышедших уже после смерти писателя (в 1882 г.), Кущевский продолжает линию разоблачения дворянско-буржуазного либерализма (рассказы «Земский деятель», «Сеятель пустыни», «Два нигилиста» и др.). По степени талантливости, меткости характеристик и остроте сарказма эти рассказы мало чем уступают роману «Николай Негорев».

Но время было уже не то. Началась эпоха «хождения в народ», время восторженных, хотя и кратковременных иллюзий, и хладнокровный сарказм автора «Николая Негорева» оказался не у места. Кущевский спился и погиб очень рано — 29 лет от роду. Он умер 13 августа 1876 г.

Кущевского забыли прочно и надолго. Маститые историки литературы считают возможным отводить автору «Николая Негорева» в своих солидных курсах всего лишь две-три строки. Приговоры «Дела» и «Отечественных записок» тяготеют над ним до сих пор.

Об этом стоит пожалеть. Яркий, сверкающий талант Кущевского не потускнел до наших дней. Современный советский читатель прочтет роман «Николай Негорев, или благополучный россиянин» и многие другие рассказы Кущевского с несомненным интересом.

«Николай Негорев» не был в течение почти 50 лет переиздан ни разу. Роман вышел только в 1917 г. (под редакцией и со вступительной статьей А. Г. Горнфельда), а в 1923 г. ГИЗ переиздал его (в серии «Библиотека русских романов»). Рассказы Кущевского остаются непереизданными до наших дней.

Пора поставить вопрос о литературном наследстве этого яркого, когда-то знаменитого писателя. Страстный и резкий обличитель буржуазного либерализма, Кущевский не потерял живого интереса и для наших дней.

Б. ЖЕРЕБЦОВ

«ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА» ДЛЯ РЕБЯТ

Детиздат при ЦК ВЛКСМ выпускает в числе юбилейных пушкинских изданий «Пушкинскую библиотеку» из 20 книг в 3—4 печатных листа каждая. В эту «библиотеку» войдут три томика отдельных стихов, поэмы «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», «Полтава», «Медный всадник», «Братья - разбойники», «Кавказский пленник», «Цыганы», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», прозаические произведения: «Барышня-крестьянка», «Метель», «Станционный смотритель», «Выстрел» и др.

Каждая из двадцати книг выйдет двухсоттысячным тиражом. Семнадцать книжек из этой серии уже сданы в печать. В течение 1936 года «Пушкинская библиотека» будет выпущена полностью.

Детиздат подготовил к печати большой однотомник Пушкина, в который вошли все основные произведения великого поэта. Выходит он под редакцией и с комментариями В. В. Вересаева, которому принадлежит также большой биографический очерк, написанный специально для этого издания.

Однотомник будет издан на высокосортной бумаге. В нем будет около 300 иллюстраций, среди которых много рисунков самого Пушкина, 40 вклеек, напечатанных по способу меццотинто, и три многокрасочные иллюстрации: портрет Пушкина работы Тропинина, картина И. Е. Репина «Пушкин на акте в лицее» и картина И. Е. Репина и И. К. Айвазовского — «Пушкин у моря».

Об'ем однотомника — 40—50 печатных листов. Тираж — 50 тысяч.

Гелиос Гомец (Испания). «Осужденные рабочие-коммунисты».

КНИГИ-УРОДЫ

Я увлечен, взволнован. Я тороплюсь узнать, что последовало за минутой, когда многострадальная мать из романа Пэрл Бак обнаружила труп своей дочери. Перевертываю страницу, пробегаю ее глазами, но ничего не могу понять: какая связь между этой забитой, темной китайской крестьянкой и великим грузинским поэтом Бараташвили? Почему Пэрл Бак так неожиданно, с совершенно несвойственным ей сарказмом обрушивается на историков Бардиани и Буачели, опошляющих память Бараташвили вульгарно-социологическими комментариями? Неужто, думаю, Пэрл Бак ввяжется сейчас в полемику и с Нусиновым, и с Лифшицем, и с Левиным? Нет, этого не случилось, но таинственные заклинания: Чарирама, теория тутуцизма тамада, ломбат Баркалай и т. п., не сходят со страниц романа.

Что все это значит?

А это значит вот что:

Какой-то шутник из XI типографии и школы ФЗУ Мособлполиграфа решил об'единить под одной крышей Пэрл Бак и Шалву Сослани. Подумаешь, убудет в самом деле этой американки, если она потеснится на своей площади и из 215 страниц шестнадцать — всего только шестнадцать — уступит советскому писателю Ш. Сослани. Неважно, что нить сюжета обрывается, что дальше образуется пустота, которую читатель должен заполнить силой своего воображения. Он, по крайней мере, узнал, что в том же Гослитиздате вышла или выходит повесть Сослани «Новый сад». Пусть не поленится и купит. Может быть, в первом же экземпляре «Нового сада» он найдет и недостающие шестнадцать страниц из «Матери» Пэрл Бак.

Вообще говоря, изобретательные люди работают над выпуском гослитиздатовской продукции. Трудно предугадать каждый раз, какой сюрприз таит купленная книга. У автора этих строк накопилась своеобразная коллекция «монстров»: есть книга Хэмингуэя, где некоторые новеллы повторяются дважды за счет других, указанных в содержании; есть книга Томаса Манна, где десятки страниц поданы «вверх ногами», есть роман Драйзера, где конец переместился в начало, а начало в конец; есть также том стихов Верхарна, где в самый центр вклинились страницы, сверкающие белизной, свободные от всяких печатных знаков (должно быть, для пометок читателя).

Но книгу-симбиоз я встречаю впервые. Значит, не скудеет изобретательская мысль в недрах Гослитиздата? Ну, что же, многообещающее начало. Хотелось бы только, чтобы зачинатели этого дела впредь обнаруживали больше критического чутья и соединяли писателей не произвольно, как в данном случае, а исходя из общности их творческих принципов. Например: Беранже и Долматовского, Анатоля Франса и Борахвостова, Верлена и Жарова и т. д.

Есть же в Гослитиздате литературные консультанты. Они и помогут в затруднительных случаях своим советом.

ДЕЛЬМАН

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ А. БЛОКА

Гослитиздат печатает собрание сочинений Александра Блока в одном томе, со вступительной статьей А. В. Луначарского и биографическим очерком В. Н. Орлова. В однотомник входят: стихотворения, поэмы и драматические произведения Блока, статьи об искусстве; предисловия и примечания А. Блока к сборникам его произведений; планы отдельных поэм и драматических произведений. Тираж — 20.000.

Издательство «Советский писатель» выпускает в августе XII том собрания сочинений Александра Блока.

Значительно позже будет выпущен VIII том собрания сочинений А. Блока, куда входят статьи: «Россия и интеллигенция», публицистические статьи 1918—1921 гг. «Последние дни императорской власти».

ПОЧИЛИ НА ЛАВРАХ

Общеизвестно, что за последние годы между писателями братских народов СССР установилась конкретная связь. В этой области произошли сдвиги, имеющие огромное литературно-политическое значение. Советские читатели получили возможность ознакомиться с целым рядом выдающихся произведений поэтов и прозаиков Украины, Армении, Грузии, Азербайджана, Белоруссии и среднеазиатских республик. Многие из этих авторов, выйдя из узко национальных рамок, заняли достойное место в первых писательских рядах Советского Союза. Творчеству некоторых из них были посвящены интереснейшие вечера в Москве и отчасти в Ленинграде. О вышедших книгах появились кое-какие статьи и рецензии. Все это не может не радовать нас.

Укрепление дружеских связей писателей народов СССР и взаимное изучение их произведений идет сейчас довольно интенсивно. Но всякого литератора и читателя, для которых дружба народов Советского Союза — не кампанейская работа и не ведомственное задание, многое не может не беспокоить. Несомненно, что после достигнутых успехов (недооценивать которые отнюдь не следует) наша литературная общественность стала проявлять в этой области какую-то успокоенность, удовлетворенность сравнительно малым. Почив на лаврах, многие как бы решили, что все в порядке, что дальше все само собой пойдет как по маслу. С такими вредными, демобилизационными настроениями необходимо решительно бороться.

То, что еще **вчера** было в литературной жизни Советского Союза значительным достижением, **сегодня** уже не удовлетворяет. В отношении творчества народов СССР планы работ самого союза писателей, издательств, журналов и газет должны непрерывно расти, расти в геометрической прогрессии. А этого мы не видим.

Прежде всего: какую работу в этой области ведут **сами писатели?** Ведь многие читатели помнят, что в конце 1933 года по инициативе А. М. Горького в различные республики и области были посланы бригады.

За некоторыми исключениями, этот опыт блестяще оправдал себя. Большинство бригад проделало полезную работу, установило связь с писательским активом и немало сделало для подготовки I Всесоюзного с'езда писателей. Год спустя, в конце 1934 г., секретариат ССП СССР вынес постановление о необходимости возобновить деятельность бригад, реорганизовав их в постоянные комиссии. Увы, это отличное постановление осталось лишь одним из листов испорченной бумаги в пухлой папке протоколов. Правда, некоторые члены бригад продолжали общение с писателями братских республик. Но вся основная работа вскоре после с'езда оказалась возложенной не на самих писателей, а на служебный аппарат ССП СССР. Это никуда не годится. Необходимо поскорее создать указанные комиссии и вновь привлечь писателей к постоянной работе. Многие охотно пойдут на это.

Как обстоит дело в области литературно-издательской? Переводы с различных языков СССР стали появляться у нас сравнительно часто. Введена плановость. Качество переводов и оформления значительно повысилось. Издательства работают в контакте с местными отделениями союзов писателей. Теперь уже не заключаются договоры с первым попавшимся литератором, привезшим в чемодане пук восторженных приятельских отзывов о его вещах. Но все-таки и на этом участке работы нет сейчас оснований для особого оптимизма.

Долгожданные альманахи «Творчество народов СССР» все еще не выходят. Ни одного номера не сдано в набор. Лишь немногие журналы уделяют достаточное место писателям братских республик.

Книг нехватает. Выпускается слишком мало названий *. Тиражи совершенно не покрывают спроса. Вот, например, попробуйте найти в магазинах сборник поэм Важа Пшавела, выпущенный Гослитиздатом в мизерном тираже 5.000 экземпляров всего три месяца назад. Кого могут удовлетворить такие смехотворно малые тиражи? Быть может, пора подумать о создании Гослитиздата СССР?

Особенно плачевно обстоит дело с опубликованием на русском языке наследия, оставленного писателями-классиками народов СССР. А ведь партия придает исключительное значение этой работе. У тюркских, армянских, грузинских, украинских классиков можно многому поучиться. Если взять для примера грузинскую литературу, то соотношение между гигантами — Давидом Гурамишвили, Нико Бараташвили, Ильей Чавчавадзе (не говоря уже о Руставели) и современными поэтами Грузии окажется аналогичным соотношению Пушкина, Лермонтова и Державина с современными русскими поэтами. Ничего не зная о лучших представителях классических литератур народов СССР, мы все еще не имеем возможности приобщиться по-настоящему к их культурам. Ну, разве не позор, что мы еще не имеем настоящего перевода произведений Шевченко?

Почему до сих пор не появились сборники переводов таких замечательных мастеров старой армянской поэзии, как Нахапет Кучак и Саят-Нова? Хорошо поступило издательство «Academia», выпустив старый бальмонтовский перевод гениальной поэмы Руставели. Но плохо то, что издательство так и не разрешило вопрос о создании нового русского перевода, более совершенного и близкого к подлиннику. Следует приветствовать переиздание Гослитиздатом того же перевода Бальмонта. Но, однако: когда же все-таки мы пойдем по линии наибольшего сопротивления и получим новый перевод?

К сожалению, приходится признать, что даже те немногие книги, которые появляются в печати, не находят в нашей литературной общественности достаточно серьезного отклика. Надо сказать со всей резкостью и откровенностью: отношение к творчеству народов СССР у нас до сих пор еще недостаточно внимательное. На это справедливо сетуют представители большинства республик и областей.

Ведь раньше можно было ссылаться на почти полное отсутствие переводов. Теперь же ряд переводов и стихов и прозы стал доступен всякому. Однако критических статей и рецензий пока что появляется далеко недостаточно. Правда, любому критику для того, чтобы написать статью о писателе другого народа, требуется гораздо больше времени и труда, чем для статьи о писателе соплеменном. Нелегко конечно бывает добывать необходимые подсобные материалы, делать выводы, не зная языка, не зная глубоких корней данной литературы. Но так как еще не скоро появятся критики, свободно владеющие наиболее сложными языками народов СССР, работу такого рода нельзя не признать полезной и даже необходимой. Хотелось бы знать, чем ее стимулирует ССП СССР? В секции критиков нет ни подсекции, ни даже комиссии по творчеству народов СССР. Секция поэтов в сущности является секцией русских поэтов, точнее — московских.

При создавшейся обстановке почти никто из критиков не работает систематически над изучением хотя бы одной из братских литератур. Обычно наши критики лишь «партизанят» на страницах журналов и газет, печатая статьи от случая к случаю, преимущественно «вокруг» какого-нибудь пленума или большого совещания. Это никуда не годится.

В итоге многие книги, заслуживающие самого пристального внимания, остаются незамеченными или неосвещенными прессой. Примеров можно привести сколько угодно.

Ровно год назад умер маститый прозаик Ширванзаде, сыгравший огромную роль в процессе формирования новой армянской литературы. Одновременно на русском языке появились его произведения. Но даже такая значительная и характерная для эпохи вещь, как роман «Хаос», не удостоилась ни одной солидной критической статьи.

Выход в свет впервые на русском языке сборника поэм гениального грузинского поэта Важа Пшавела является немаловажным событием нашей общесоюзной литературной жизни. Но где же необходимые и, казалось бы, такие естественные отклики? О пастернаковском переводе «Змееда» немного поговорили. Зато о прекрасном и весьма высоко оцененном в Грузии переводе поэмы «Гость и хозяин», сделанном Сергеем Спасским, пока у нас еще никто не вымолвил ни одного слова.

Счастливое исключение представляют «Всадники» Юрия Яновского. Это талантливое произведение многие заметили сразу и, как у нас любят выражаться, «подняли на щит». Но сколько других книг, достойных похвалы или справедливой суровой оценки, безмолвно распределяются по полкам библиотек! Сколько писателей, впервые выходящих на общесоюзную арену, с естественным волнением тщетно ждут отзывов, дружеских советов или указаний!

В Осетии есть писатели, заслуживающие, но не получающие никакого внимания (Созирко Кулаев, Чермен Бегизов и другие). Совсем еще молодая абхазская литература ждет не дождется: когда же, наконец, обратят на нее внимание и помогут не на словах, а на деле? Пока что работой наших абхазских товарищей по-настоящему заинтересовался лишь один А. Фадеев.

Когда впервые появились переводы стихов грузинских поэтов, сделанные Пастернаком и Тихоновым, стали раздаваться удивленные голоса. Некоторые критики так прямо и говорили: не ожидали, мол, что в Грузии такая сильная поэзия! Конечно, это звучало искренно, но... конфузно. Уж очень отчетливо проявилось тогда наше печальное, унаследованное от дореволюционного прошлого, невежество, наше отставание в деле изучения братских литератур. Теперь мы все-таки не так уж мало знаем и о грузинской поэзии и о литературах других республик. Нам пора, наконец, выйти из своеобразной стадии «первоначального восхищения», компрометирующей нас.

С другой стороны, только единичные литераторы с настоящим усердием и любовью изучают хотя бы одну из братских советских литератур. Для них эта работа стала неот'емлемой частью их литературной деятельности. Но ведь серьезное и вдумчивое изучение творчества народов СССР должно быть широко распространенным, массовым явлением.

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ

* Необходимо подчеркнуть, что зачастую сами авторы срывают выполнение издательских планов.

Гелиос Гомец (Испания). «Казнь рабочего».

Загримированный Жуковский

Б. МЕЙЛАХ

В связи с все возрастающим интересом широких читательских масс к творчеству Пушкина весьма актуальным является изучение также пушкинского литературного окружения. Живая литературная борьба пушкинской поры не может быть понята без исследования творчества таких поэтов, как Рылеев, Вяземский, Баратынский, Гнедич, Жуковский и др. Наиболее невыясненным является, пожалуй, круг вопросов, связанный с именем Жуковского. Так, до сих пор не раз'яснена в достаточной степени лживость утверждения казенной академической науки царских времен, будто бы Пушкин был последовательным учеником Жуковского и благодаря влиянию своего «учителя» стал «достойным христианином».

Вскоре после Октябрьской революции ЛИТО Наркомпроса, приступая к перепечатке дореволюционных изданий крупных писателей, издал также и полное собрание сочинений Жуковского. Это вполне понятно: лишь богдановцы-пролеткультовцы и вульгарные социологи наших дней полагают, что пролетариат, строя социалистическую культуру, должен осваивать творчество только писателей-революционеров. Нет необходимости распространяться о характере идеологии Жуковского, мистического романтика, после разгрома декабристов назвавшего их «сволочью», «шайкой разбойников», «бандитами», способными на «бесцельное зверство». Будучи приближенным ко двору, воспитателем Александра I, Жуковский на протяжении ряда лет пытался перетянуть Пушкина на путь официальной идеологии, а после гибели поэта создал легенду о его предсмертном «христианском просветлении» и примирении с Николаем I. Тем не менее необходимость нового издания произведений Жуковского, сыгравших большую роль в развитии русской поэзии и ознаменовавших важный этап реконструкции стиха, давно назрела. Поэтому можно было бы только приветствовать намерение «Библиотеки поэта», уже давшей советскому читателю ряд добросовестно подготовленных книг, выпустить и собрание стихотворений Жуковского. Так как редактирование произведений Жуковского, благодаря общему благополучию его отношений с цензурой и существованию прижизненных изданий, особой сложности не представляет, то центральной задачей составителя сборника должен был бы явиться анализ поэзии Жуковского и ее значения для нашей литературы. Вслед за Белинским надо было бы показать, что «истинная, великая и бессмертная заслуга Жуковского перед русской литературой состоит в его стихотворных переводах из немецких и английских поэтов и в подражаниях немецким и английским поэтам». Но одновременно следовало бы раскрыть, почему Жуковский не был «собственно русским» поэтом, «сыном XIX века», охарактеризовать сущность его «средневекового романтизма».

И вот только что в малой серии «Библиотеки поэта» (т. е. специально для массового читателя) вышли избранные стихотворения Жуковского [1]. Уже короткое ознакомление с предисловием этой книжки, где болтовня в духе идеалистической критики совмещается с попытками изобразить Жуковского «либералом» и «оправдать» его реакционные политические взгляды «пассивностью» натуры поэта, вызывает недоумение. Более же внимательное изучение сборника показывает, что и вступительная статья, и комментарии, и подбор текстов преследуют задачу ориентации наших молодых литераторов на антиреалистическое, идеалистическое наследие прошлого. Для этого Ц. Вольпе не только использует в своих теоретизированиях арсенал буржуазной социологии и формализма, но прибегает и к искажению фактов политической и литературной борьбы этой эпохи.

Методология Ц. Вольпе далека от принципов марксистского литературоведения. На 30 страницах своей статьи он не тратит усилий на установление того, как в творчестве Жуковского преломлялась современная поэту действительность, какие социальные силы определили содержание его поэзии. Вместо этого Вольпе предпочитает спокойно итти по стопам дореволюционных биографов Жуковского. По традиции, начав с сообщения, что Жуковский — сын турчанки, взятой в плен во время войны с Турцией, Вольпе продолжает переносить в статью не только принципы, но и фразеологию биографов-идеалистов.

Далее читатель легко постигает причины ухода Жуковского в мир мистической фантазии. Еще в юности поэт из журналов ознакомился с «миром облачных призраков — теней, пролетающих и реющих (!) над полями сражений» (стр. 7). Затем «оплакивание смерти друга» — Андрея Тургенева — укрепляет в Жуковском «настроение печали и сетования на жизнь» (стр. 12), а «вскоре основным биографическим источником, питающим элегический характер лирики Жуковского, становится его чувство к племяннице, Маше Протасовой». Но ему не разрешают жениться на М. Протасовой, и вот «неразрешенная любовь становится темой элегической лирики Жуковского. Эта же тема проходит и в его балладах» (стр. 13). Столь же просто об'ясняет Вольпе и политические позиции поэта. Так, активное служение феодально-крепостнической системе об'ясняется «пассивностью» поэта (стр. 41), а переход в лагерь махровой реакции — «сближением с Рейтернами» (стр. 75).

Но справедливость требует признать, что Вольпе не во всем идет за своими предшественниками. Если те откровенно признавали, что Жуковский всегда был верным «богу, царю и отечеству» (ведь именно за это поэт и считался в царской России «лучшим средством воспитания молодого поколения»), то Вольпе всячески старается загримировать его под «либерала», ожидавшего от правительства «введения нового гуманного, счастливого государственного строя» (стр. 31). Как будто советское издание стихотворений такого крупного поэта, каким является Жуковский, нуждается в пошлых «оправданиях» Вольпе! Обходя всем известные факты, со всей очевидностью свидетельствующие о реакционности мировоззрения Жуковского, о его отношении к восстанию декабристов и отрицательной роли в политической эволюции Пушкина, Вольпе пишет: «Наступала в литературе эпоха Пушкина и декабристов. Жуковский сочувственно ее приветствовал» (стр. 42) [2].

Не менее вредны и попытки Вольпе интерпретировать значение творчества Жуковского. «Именно в создании поэтики психологической лирики, — пишет Вольпе, — лежит основание общего утверждения критики, что Жуковский открыл для русской поэзии внутренний мир человека, человеческую душу, научил изображать оттенки душевных движений» (стр. 15). Будем надеяться, что молодые поэты поймут смысл этой «хитрой» сентенции и не пойдут по открытому Жуковским пути изображения «человеческой души». Ведь еще Белинский писал о поэзии Жуковского: «романтизм средних веков, разумеется, не годится для нашего времени, теперь он не истина, а ложь...» Казалось бы, что Вольпе должен был понять, что тем более не годится «романтизм средних веков» для эпохи социализма. Но Вольпе всячески тянет нашу литературную молодежь учиться у Жуковского, патетически восклицая: «Пушкин, Лермонтов, Козлов, Тютчев, Фет, Некрасов, Блок, Белый, Бальмонт, Брюсов — нет такого заметного поэта XIX и начала XX века, который не учился бы на стихах Жуковского (стр. 58). При этом Вольпе умалчивает о том, что рост демократических тенденций в творчестве ряда поэтов был связан с преодолением Жуковского, что влияние Жуковского сказалось главным образом на раннем Блоке и что Некрасов скупал и уничтожал свой сборник стихов «Мечты и звуки», в котором выступал учеником Жуковского. Более того, Вольпе по-формалистски утверждает: «Некрасов впоследствии заимствовал его (т. е. способ сочетания дактилических стихов) у Жуковского и переработал в тот особый меланхолический стих, который ожил у Некрасова как собственный поэтический, его, Некрасова, «голос» (стр. 55). Так народная поэзия Некрасова, наполненная революционным пафосом, возводится к поэтической традиции Жуковского!

Но Вольпе готов и поэзию Жуковского сделать народной.

О переводе баллады Бюргера «Ленора» Вольпе пишет: «В процессе работы Жуковский все дальше сюжетно отходил от Бюргера, стремясь создать самостоятельную русскую народную балладу» (стр. 20). Но Вольпе знает, что еще в 10-х годах XIX века эта баллада Жуковского была резко раскритикована прогрессивным литературным лагерем именно за отсутствие народности. Поэтому он искажает истинное положение вещей, утверждая, что «понятие «народ» было в начале XIX в. понятием «литературным» и что «народный быт рисовался, с одной стороны, в свете литературной традиции XVIII в., как быт идиллических пастушков... и с другой — как мир сказочно-волшебных представлений» (стр. 21). Выходит, что борьбы за **реалистическую** народность не существовало!

Но этот факт искажения истории не единичен. Сюда можно присоединить также об'яснение деятельности «Арзамаса» лишь желанием друзей Жуковского защитить «балладника», в то время как там, наряду с осмеянием «шишковистов», осмеивалась и мистическая фантастика баллад. Далее, чрезмерно переоценена роль Жуковского в литературной борьбе эпохи (стр. 31), грубо искажен смысл полемики Рылеева и Пушкина о Жуковском (стр. 52) и т. д. Не брезгует Вольпе и извращением оценок Жуковского Белинским, искусственно выбирая из Белинского лишь положительные оценки поэзии Жуковского.

Исходя из этих же «критериев», Вольпе подобрал и тексты стихотворений. В сборнике не дано ни одного стихотворения, в котором поэт так или иначе откликается на современные события. Ведь по мнению Вольпе «самый жанр патриотической и одической риторики был чужд тенденциям развития поэзии Жуковского»... (стр. 28). Между тем признание официальной России Жуковский получил не за баллады, а как раз за этот «жанр», который он не оставлял почти до самой смерти. Вообще в сборнике Жуковский эстетизирован и не дан во всем разнообразии его поэзии. Так, кроме политических, не даны совсем шуточные стихотворения и басни, которые было бы поучительно сопоставить с баснями Крылова. Нет стихотворений, исчерпывающе раскрывающих «жизненную концепцию» поэта (например, «Человек»). Стремясь представить Жуковского только как поэта, далекого от «земной суеты», Вольпе не дал стихотворений, показывающих его живое участие в литературной борьбе. Наконец, не даны также стихи, как «Мотылек и цветы», показывающие деформацию реалистических деталей в суб'ективно-идеалистической поэтике Жуковского.

Из-за экономии места мы не будем останавливаться на тяжеловесном, а иногда и прямо безграмотном языке статьи, где «привидения, мертвецы» признаются «отличительными особенностями баллад Жуковского» (9) и где о воспитании Жуковским царского наследника типично-канцелярским языком сказано: «В октябре 1827 г. он (Жуковский) вернулся в Россию и вступил в исполнение своих педагогических обязанностей» (60). Не задумывается Вольпе и о том, насколько массовому читателю может быть понятен такой язык: «для эстетика классицизма было характерно метафизическое воззрение на об'ект и убеждение, что основой истины служат рациональные нормы мироустройства» (23). Учено сказано, да толку мало!

Выпуск этой книжки является серьезной ошибкой издательства «Советский писатель», делающего большое и нужное дело изданием «Библиотеки поэта».

... А книжка вышла тиражом 30.000...

[1] В. Жуковский. «Стихотворения». Вступительная статья, редакция и примечания Ц. Вольпе. «Советский писатель», 1936. Стр. 336. Тир. 20.000. Цена 3 руб.

[2] Сюда же относится стремление Вольпе доказать, что Жуковский... тяготился своим положением при дворе. Доказывается это цитатой из письма Карамзина о Жуковском: «ему (Жуковскому) хотелось бы жениться, но, при дворе нелегко найти невесту для стихотворца» (стр. 48).

IV пленум правления ССП посвященный А. М. Горькому

18 декабря исполняется шесть месяцев со дня смерти Алексея Максимовича Горького.

В этот день в Москве откроется IV пленум правления союза советских писателей.

Пленум будет посвящен исключительно творчеству А. М. Горького.

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ СССР

Фольклористы Института языка и литературы азербайджанского филиала Академии наук подготовили к изданию несколько интересных сборников с образцами устного творчества народностей Азербайджана.

Собран татский, талышский, лезгинский, армянский, цехурский фольклор — несколько тысяч сказок, легенд, пословиц, поговорок, загадок.

В сборники вошли неизвестные до сих пор варианты таких образцов народного эпоса, как «Кероглы» и «Рустам-Зал» — на татском и лезгинском языках, несколько новых легенд о Шамиле, записанных со слов народных сказителей, — на цехурском и лезгинском языках.

За пятнадцать лет советской власти в Азербайджане создался богатый новый советский фольклор. В сборниках будут обширно представлены образцы современного революционного эпоса и сложенных в народе песен о Ленине, Сталине, Ворошилове и Кирове.

★

Сталинградский Крайгиз выпустил два фольклорных сборника: «Песни донского казачества» и «Калмыцкие сказки».

В первом сборнике помещены интересные песни и частушки советского Дона, а во втором — оригинальные по замыслу и языку сказки: «71 небылица» и др.

Готовится к выпуску сборник рыболовецкого фольклора, которым богаты астраханские рыбные промыслы.

★

Научно-исследовательский институт мордовской культуры организовал экспедицию по сбору и изучению мокшанских и эрзянских народных песен и их мелодий.

В экспедиции участвуют двадцать пять человек — научные сотрудники, мордовские писатели, лингвисты, композиторы и артисты, в частности московские композиторы тт. Мелких, Кушевский, Трошин и мордовский народный певец И. М. Яушев.

Одна часть экспедиции работает в мокшанских районах Мордовии — Зубово-Полянском и Рыбкинском, другая, — в эрзяноких: Игнатовском и Кочкуровском.

В результате работы экспедиции выйдет специальный сборник, который решено иллюстрировать фотографиями сказителей Мордовии.

Узбекские писатели в Татарии

Бригада узбекских писателей, в которую входят поэты Алим Умари, Гафур Гуллям, А. Маджиди и прозаики Шакир Сулейманов и Абдуллаев, приехала в Казань.

Цель приезда—изучение культурного строительства Татарии, подготовка материала для литературных произведений о Татарстане. Бригада пробудет в Татарии 3 месяца.

Двое узбекских товарищей выехали в колхозы, остальные работают в Казани, знакомясь с предприятиями и культурными учреждениями.

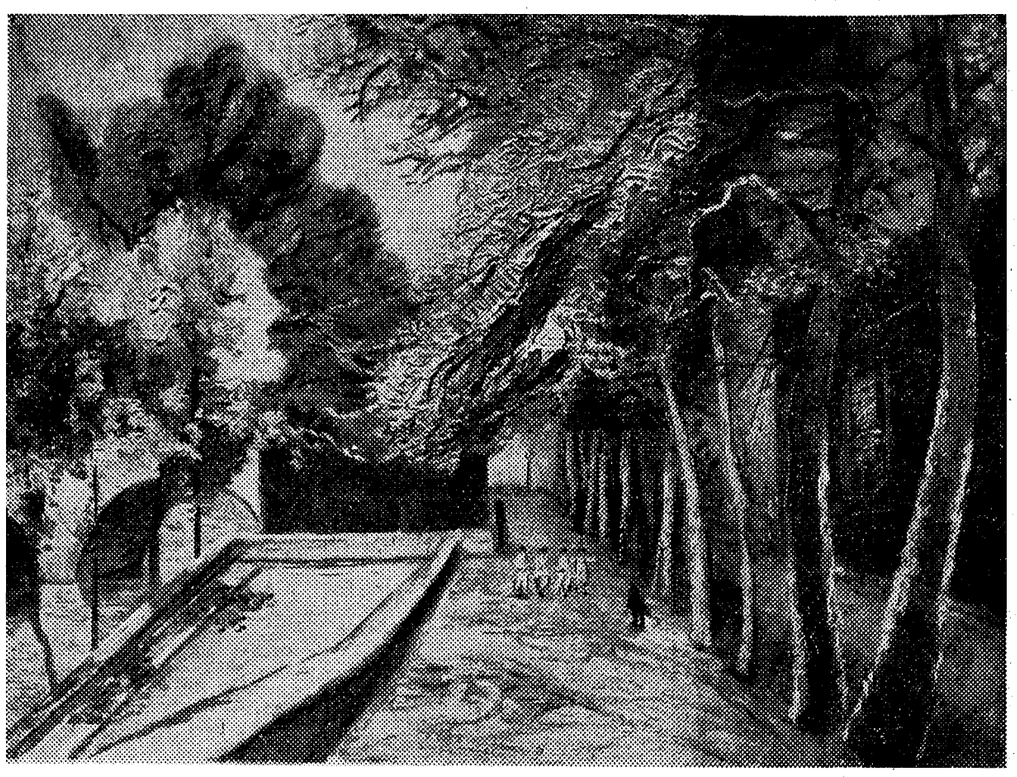
Особое внимание уделяют узбекские писатели предприятиям химической промышленности, тесно связанной с историей татарского пролетариата.

Все члены бригады — впервые в братской Татарской республике, они отмечают большое значение этой поездки для обмена творческим опытом, для сближения узбекской и татарской литератур.

«СТО ПОЭТОВ АЗЕРБАЙДЖАНА»

Так называется литературно-художественный сборник, подготовленный к печати литературоведом Салманом Мумтазом. Сборник охватывает период с XIV века до Октября и содержит поэтический материал ста писателей, их биографии и портреты.

Выпускается сборник Гослитиздатом Азербайджана.



В. Барт. «Луврская набережная». Ма сло.

В Москву приехал художник Виктор Барт, который уже 20 лет работает в Париже. За это время он выставлялся в галлереях Ликорн, Апри, Кармен, Биллье, в салоне Независимых и на больших интернациональных выставках в Гейдельберге, в Париже, в Лондоне. В 1925 г. Барт участвовал в оформлении советского отдела международной декоративной выставки в Париже.

В. Маяковский писал о нем: «Видел интересные работы В. Барта. Но он голодает. Купец из Нью-Йорка в Париже не станет покупать его картин».

— Я не единственный художник, который стремился попасть в Советский Союз, — говорит В. Барт. — Возвращение в Союз — одна из любимых тем русских художников, проживающих в Париже. Собираются приехать Билибин, Сутин, Фальк, скульптор Грановский, Терешкович, Шадкин и многие другие.

В Москве художник Барт работает над иллюстрациями детских книг. Он будет участвовать также в работе 1-й монументальной мастерской Л. А. Бруни.

„В парме"

К ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЮ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ КОМИ

Литература Коми — одна из самых молодых литератур народов Советского Союза. Она рождена Великой Пролетарской революцией. До этого на коми-языке издавались только религиозные книги, причем печатались они русским шрифтом в единственной на всю область кустарной типографии.

Возрожденный революцией коми-народ — равноправный член великой семьи многочисленных народов Страны Советов. Под знаменем Ленина—Сталина Коми-область стала богатой и свободной страной.

Молодая литература Коми-области находится на большом под'еме.

Комгизом издано двухтомное собрание сочинений В. Совича; Г. Федоров написал повести «Серый теленок», «Лесная драма» и первую часть романа «Утро деревни». Сборники стихов и рассказов выпустили молодые писатели П. Щеболкин, И. Пыстин, Е. Пармазон, М. Доронин, Бия-Очир, Миркур-Яка и др.

Писатель М. Лихачев перевел на коми-язык «Мать» М. Горького и «Мороз — красный нос» Некрасова. Сейчас М. Лихачев переводит «Поднятую целину» Шолохова.

22 августа коми-народ празднует пятнадцатилетие своей области. По проекту новой Конституции область Коми будет преобразована в Автономную Социалистическую Республику.

Гослитиздат выпускает к пятнадцатилетию сборник переводов произведений коми-писателей. Сборник называется **«В парме»** («В лесу»). Составитель его — А. А. Попов, редактор — С. В. Кошевarов.

Это будут первые произведения коми-писателей на русском языке. Переводы сделаны Глебом Алексеевым и Ив. Молчановым.

Сборник состоит из трех разделов. В первом помещен только дореволюционный фольклор — песни, сказки, предания. Второй раздел посвящен годам гражданской войны, борьбе Красной армии против белогвардейских банд. Третий раздел составят произведения, показывающие социалистическое строительство области, освоение природных богатств, формирование новых людей.

В сборнике будут напечатаны стихи и рассказы коми-писателей: В. Латкина — «Сказки Тундры», М. Лихачева — «Эгрунь» и «На новом шоссе», И. Изюрова — «Счастье», Федорова — «В половодье», А. Зубова — «Бездомная кукушка», Е. Шахова — «Если опоздаешь», М. Лебедева — басня «Медя и Родя» и др.

В. ОМСКИЙ.

СЛОВО — ЗА СТАХАНОВЦАМИ БУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ИЗДАНИЯ ПУШКИНА, ГОРЬКОГО, МАЯКОВСКОГО — ПОД УГРОЗОЙ СРЫВА

Бумажные фабрики упорно недодают Гослитиздату сотни тонн бумаги.

За первое полугодие Вишерский бумкомбинат недогрузил 100 т. Окуловский бумкомбинат им. Е. Ярославского — 70 т, фабрика им. Горького в Ленинграде — 110 т. Камский бумкомбинат за первое полугодие **не дал ни одной тонны.** За ним остался «должок» **в 545 т.**

Недостаток бумаги ставит под угрозу срыва выпуск важнейших изданий. В типографиях лежат многие десятки набранных книг. Среди них двухтомник «Избранные произведения» М. Горького, X том В. Маяковского, однотомник Глеба Успенского, I и II томы В. Белинского, «Воскресение» Л. Толстого, однотомник Лермонтова, «Басни» Крылова и книги советских писателей — Серафимовича, Пришвина, Яновского, Никулина, Александровича, Вересаева, Антокольского и мн. др.

Набранные книги лежат без движения по пяти и более месяцев. Некоторые книги из-за отсутствия бумаги пущены в разбор.

Перерасходы издательства возрастают.

Пухнут папки, содержащие переписку издательства с бумажными фабриками. Десятки настойчивых запросов и требований остаются без ответа.

Камский бумкомбинат не только не дал Гослитиздату ни одной тонны бумаги, но и не ответил ни на одну телеграмму. Впрочем, один раз Камский бумкомбинат прислал «бумажку своего производства», в которой предложил Гослитиздату вместо хорошей бумаги бумагу повышенной сорности.

Гослитиздату пришлось помириться и с повышенной сорностью. Послано было согласие — отгружайте. Затем дана была телеграмма, еще телеграмма, выслан на фабрику представитель, но и эта — «сорная» бумага все еще не отгружена.

«Правда» со всей большевистской решительностью ударила по «самодовольным бракоделам» и очковтирателям бумажной промышленности. В своих статьях «Правда» выразила волю издательской и писательской общественности, а также читателей всей нашей страны.

Со дня выступления «Правды» прошел месяц, а работники бумажных фабрик все еще не раскачались. Недогрузка бумаги растет.

А. П. Большемещников, заместитель директора Гослитиздата, в беседе с нашим сотрудником заявил:

Если бумажные комбинаты срочно не перестроят свою работу и не выполнят своих обязательств, они окончательно сорвут выпуск массовых юбилейных изданий Пушкина, издания Маяковского и М. Горького. Для этих изданий нужна высококачественная бумага.

Читатели Советского Союза требуют от работников бумажной промышленности образцовой и четкой работы.

Книга стала у нас одним из наиболее действенных орудий в борьбе за нового человека социалистического общества.

Слово — за стахановцами бумажных комбинатов.

Они должны взять инициативу в свои руки.

Необходимо сломать старые нормы и полностью обеспечить наши издательства высокосортной бумагой.

В. ТОМ.

НЕМЕЦКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПИСАТЕЛИ В МОСКВЕ

Беседа с ГУСТАВОМ РЕГЛЕРОМ

Немецкий революционный писатель Густав Реглер, который был нашим гостем на первом всесоюзном с'езде советских писателей, снова приехал в СССР.

Эти два года он провел в Париже в напряженной творческой работе. Недавно он закончил большой исторический роман — «Сев». Тема романа — крестьянские восстания в Эльзасе, в царствование Максимилиана (1495—1501 гг).

— Мне часто задавали вопрос,—говорит Густав Реглер,—почему я остановил свой выбор на **исторической** теме.

Миллионы трудящихся следят ежедневно за последними телеграммами, сообщающими о героической борьбе испанского народа. Миллионы наблюдают за полетом советских летчиков над своей гордой родиной — освобожденной шестой частью мира. Настоящее полно проблем. Будущее полно опасностей. Не является ли эта прогулка в давно прошедшие времена бегством от жизни. Но те, которые так говорили, забыли, что есть мертвые, образы которых необходимо воскресить. У революции есть свои предки. Нам нужно вспомнить о них.

Потомки Степана Разина стали колхозниками. Потомки Марата защищают свою республику. А в жилах испанских борцов, сражающихся с винтовкой в руках за свою родину, течет кровь предков, которые столетия назад погибали в борьбе против феодализма и инквизиции.

Память об этих предках не умерла, она живет.

Разве у революционеров Германии нет своих героев, воспоминание о которых вооружает на борьбу против сегодняшних тиранов?

Фашисты подавляют воспоминание об этой борьбе. Они фальсифицируют историю Они признают лишь историю своих королей.

Я сделал попытку воскресить образ человека, который в 1495 — 1501 гг. взбудоражил всю Южную Германию, образ — неутомимого конспиратора, друга страдающего крестьянства, — Иоста Фрица, выдающегося «бунтаря-заговорщика», как называет его Фридрих Энгельс.

Я хотел показать героизм германских крестьян, которые умирали на эшафоте с возгласом: «Революция победит!»

Я хотел дать ощущение бессмертного дыхания революции.

Нужно было также показать ловкость конспиратора Иоста Фрица, силу его популярного языка, его юмор и способность чувствовать все несчастья народа

Четко обозначаются параллели с сегодняшней Германией. Я мог бы быть злободневным, ничего не меняя в исторических фактах.

В нынешней Германии многое изменилось, но революционный огонь, которым горел в свое время Иост Фриц, тот же, что и огонь, которым горели борцы сегодняшнего германского подполья — Фите Шульце, Рудольф Клаус, Лютгенс и Шеер.

Хочу указать еще на одну бросающуюся в глаза параллель с сегодняшним днем и выразить все свое восхищение перед социалистическим строительством Советского Союза: в документах средних веков я нашел высказывания крестьян о том, как ободряюще действовал на них пример Швейцарии, сбросившей с себя в то время ига Габсбургов. Швейцария — означала для них свободу. Швейцария — это была гордость всех повстанческих крестьян. Они посылали туда своих представителей, чтобы передать приветствия в знак дружбы. Швейцария была тогда убежищем мира, освобожденные швейцарские крестьяне говорили дворянам: «Попробуйте вторгнуться в наши долины, мы вам покажем!»

«Сев», недавно вышедший на немецком языке, не остался без отклика: крестьяне из Эльзаса прислали мне новые документы из истории своей борьбы. Я намерен продолжить описание этой большой освободительной борьбы.

— Хочу верить, — заканчивает беседу Густав Реглер, — что моя книга усилит любовь к той борющейся Германии, для победы которой мы должны об'единить все наши силы.

★

Роман Густава Реглера «Сев» переводится сейчас на русский и французский языки. У нас он будет издан Жургазоб'единением в серии «Всемирная библиотека». На французском языке роман выйдет в Париже.

Беседа с АЛЬФРЕДОМ КАНТОРОВИЧЕМ

7 августа в Москву приехал из Парижа немецкий литератор-эмигрант Альфред Канторович.

А. Канторович эмигрировал в 1933 году из Германии в Париж, где он стал одним из создателей и секретарем «Общества немецких литераторов» («SDS» — Schutzverband Deutscher Schriftsteller). Он состоит также генеральным секретарем «Немецкой свободной библиотеки» и одним из секретарей немецкой секции международной ассоциации писателей и артистов в защиту культуры.

В этих трех организациях сосредоточена вся культурная жизнь немцев-эмигрантов.

«SDS» имеет свои секции в Бельгии, Скандинавии, Швейцарии, Чехословакии. Свыше 200 немецких писателей-эмигрантов, живущих в разных странах, являются членами этого общества, среди них — известнейшие писатели: Генрих Манн, Берт Брехт, Лион Фейхтвангер, Оскар Мария Граф, Эрнест Толлер, Анна Зегерс, Клаус Манн, Густав Реглер и др.

Немецкие писатели, живущие за пределами своей родины, не забывают о тех, которые остались в фашистском окружении. Они стараются крепить с ними связь, нередко прибегая для этого к всевозможным уловкам. Недавно «SDS», скопировав в точности обложку издаваемой в Германии «Миниатюрной библиотеки», замаскировало таким образом вплетенные в нее произведения Л. Фейхтвангера, И. Бехера, Б. Брехта, Фр. Вольфа и других писателей-эмигрантов. Две тысячи экземпляров этой книги были переправлены в Германию.

В небольшом помещении на бульваре Араго, в Париже, ютится «Немецкая свободная библиотека». Это библиотека «сожженных» в Берлине книг, возникшая в Париже 10 мая 1934 г. Читателями ее являются все немецкие эмигранты — рабочие и интеллигенты. Богатый архив фашистских и антифашистских документов составляют главнейшее достояние библиотеки.

На ее книжных полках собрана основная научно-марксистская и художественная антифашистская литература. Рядом с книгами лучших немецких писателей стоят книги М. Горького, А. Толстого, М. Шолохова, И. Бабеля, И. Эренбурга и многих других советских писателей.

Альфред Канторович приезжал в СССР в 1929 и 1934 годах. Перемена, происшедшая в Москве за два года, поразила его.

— Я знал, — говорит он, — что многое должно измениться, жизнь должна стать более комфортабельной. Но то, что я увидел, изумляет. Меня это радует не только потому, что советским людям стало жить лучше, но и потому, что все это свидетельствует о новых больших победах, которые неуклонно одерживает Советский Союз.

Е. КОСТРОВА.

ЧТО ИЗДАЕТ ГОСЛИТИЗДАТ УКРАИНЫ

ПИСЬМО ИЗ КИЕВА

Украинский Гослитиздат развернул большую работу по выпуску книг современных украинских, русских советских и иностранных писателей, классиков украинской, русской и мировой литературы, а также современной и классической литературы братских народов СССР.

Особенное внимание уделяется изданию на украинском языке произведений гениального мастера художественного слова А. М. Горького. Ряд его книг выходит повторными изданиями. В ближайшее время будет выпущено художественно оформленное издание повести «Мать».

Надо отметить инициативу выпуска полного собрания стихотворений выдающегося грузинского классика Николая Бараташвили (1816—1845) в переводах на украинский язык поэта Ивана Кулика. Это большой шаг в деле ознакомления украинского читателя с произведениями поэта, которого грузинские критики и литературоведы называют «грузинским Байроном».

Гослитиздат регулярно выпускает переводы произведений В. Короленко. Печатаются переводы романов Л. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина». Вышли «Севастопольские рассказы» Л. Толстого.

Много внимания уделяется переводам Тургенева. Почти все его главные произведения выпущены на украинском языке. В ближайшее время издательство выпускает для школ большой однотомник Тургенева.

Вышли недавно однотомники Гоголя и Чехова. Выходит однотомник пьес Островского.

Из русских современных писателей вышли на украинском языке: вторая книга романа «Похищение Европы» К. Федина, «Иностранный легион» В. Финка, роман Ив. Шухова «Батьківщина». В печати — том басен и стихов Демьяна Бедного в переводе М. Терещенко.

Гослитиздат Украины подготовил к печати серию однотомников лучших советских писателей Украины. Печатаются сборник избранных стихотворений Миколы Бажана и сборник стихов М. Рыльского «Лето».

Вышли из печати сборники молодых поэтов Украины: Фомина, Гордеева.

Далеко за пределами Украины известна изданная Гослитиздатом книга украинских песен. Теперь издательство сдало в печать сборник «Украинские пословицы и поговорки», в который входят пять тысяч поговорок и пословиц украинского народа, из них более пятисот — послеоктябрьского периода.

Киев. Б. СИМ.

АНТОЛОГИЯ КРЫМСКО-ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Антологию крымско-татарской поэзии на русском языке готовит редакция творчества народов СССР Гослитиздата.

В сборник войдут лучшие стихи татарских поэтов: Ильяс Тархана, Умер Ильчи, Иргата-Кадыра, Алтынян, Шеми-Заде, Шамиля Аладина, Османа Амита и др.

Над переводами работают тт. Б. Брик и А. Тарковский, которые по заданию ССП СССР совершили двухмесячную поездку по Крыму и провели ряд встреч с татарскими писателями.

Подбор стихов сделан переводчиками совместно с татарскими поэтами.

Антология впервые покажет русскому читателю творческое лицо татарских поэтов Крыма.

Книжная хроника

ГОСЛИТИЗДАТ ВЫПУСКАЕТ:

★ **Избранные стихи** дунганского поэта Ясыра Шиваза, в переводе Феликса Ощакевича и Ивана Зиборова. Редактор сборника — Георгий Шенгели. В книгу войдут поэмы «Великая стена», «Дунгане», «Ван» и цикл стихотворений о современном Китае.

★ **«Лирику»** И. Сельвинского. Сборник лирико-эпических стихов за 18 лет поэтической работы Сельвинского — с 1918 по 1936 г. Об'ем книги — **10** п. л.

★ **«Все дороги ведут в Москву»**— роман Бела Иллеш, посвященный строительству московского метрополитена. Автор показывает картину борьбы за овладение техникой нового вида строительства, рост людей—строителей метро.

★ **«Аванпосты»** — роман украинского писателя И. Кирпиленко. Тема—хлебозаготовки 1932—1933 гг., классовая борьба в колхозе, маневры классового врага. Разбив врага, колхоз выходит на широкий путь социалистического развития.

★ **«Бата Кекия»** — роман грузинского писателя Д. Шенгелая. Герой романа — старый мингрельский крестьянин — в колоритной и занимательной форме рассказывает о своей личной жизни, о том, как трудно раньше жилось мингрельскому крестьянству и как оно в 1905 г. восстало против русского самодержавия и своих собственных помещиков.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР ИЗДАЕТ:

★ **«Письма А. Блока к Е. П. Иванову».** В письмах к Е. Иванову, с которым Блок был в тесной дружбе, нашли отражение социально-философские взгляды поэта. Публикуемые письма представляют ценнейший материал для характеристики идеологической эволюции Блока.

В книге помещена также «Петербургская поэма» Блока и письмо поэта к М. П. Ивановой. Общая редакция и вступительная статья — Ц. Вольпе.

ДЕТИЗДАТ ВЫПУСКАЕТ:

★ **«Белеет парус одинокий»**—новую повесть В. Катаева. Книга выходит в первых числах августа, тиражом в 25 тысяч экземпляров. Параллельно готовится второе издание повести в особо художественном оформлении.

НА СЛЕТЕ ЛИТКРУЖКОВЦЕВ ТИФЛИСА

На-днях в Тифлисе состоялся второй общегородской слет литературных кружков.

Ответственный секретарь союза советских писателей Грузии т. Д. Демеградзе, открывая слет, отметил успехи литературных кружков.

Самый слет показал, что по сравнению с прошлым годом массовая литературная работа значительно расширилась. Не только в Тифлисе, но и во многих районах Грузии массовое литературное движение поднялось на более высокую ступень. Писатели Грузии активизировали свою работу с литкружковцами, стали внимательнее и серьезнее следить за творческим ростом литературной молодежи. В прошлом году в Тифлисе было 5 литературных кружков, сейчас число их возросло до **14.**

В районах республики организовано **66** колхозных литкружков, об'единяющих более **2 тысяч** человек.

В росте колхозных литкружков большую роль сыграли выезды писателей в районы, читательские конференции, доклады и творческие отчеты отдельных писателей, беседы их с начинающими авторами.

Секретарь союза писателей Грузии В. Гаприндашвили в своем докладе на слете дал подробный анализ творчества молодых рабочих-авторов и на конкретных примерах показал их творческий рост.

В литературных кружках Тифлиса выявились талантливые молодые рабочие-поэты: стахановец Джваршейшвили, стахановка-ткачиха Нина Агашенашвили, Табатадзе, Коява, Гурашвили и др. Некоторые их произведения переведены на русский язык и были напечатаны в краевой печати и в литературных журналах.

Поэт Васо Горгадзе выступил с докладом о творчестве начинающих писателей — членов колхозных литературных кружков.

В районных газетах печатают свои произведения свыше **40** колхозных прозаиков и поэтов. Наиболее способные из них — колхозник Джалушаури из Телавского района и Хуначишвили из Сигнахского района.

Литературные страницы районных газет выходят несколько раз в месяц.

Колхозный читатель пред'являет огромный спрос на художественную литературу, с увлечением читает бессмертные поэмы Руставели, Пушкина, Лермонтова. Литературные дискуссии, беседы, доклады входят в колхозный быт.

Выступивший на слете руководитель литературного кружка при колхозе им. Тельмана (Лагодехский район) т. Гожеридзе, между прочим, сообщил, что председатель колхоза т. Барбакадзе сделал в колхозном кружке доклад на тему «Проблема любви в поэме Шота Руставели «Носящий тигровую шкуру».

Доклады писателей о творчестве молодых и о работе с начинающими авторами свидетельствуют, что союз советских писателей Грузии взял правильную линию помощи каждому литкружковцу.

На слете были отмечены и недочеты, в первую очередь недостаточное внимание к литкружковцам со стороны низовых профорганизаций. В кружках ощущается недостаток литературы.

Тифлис. ЕВГ. С.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КИРГИЗСТАН

Писатель Аллы Токомбаев пишет вторую часть романа «Кровавые годы». Первая часть вышла уже из печати. Роман построен на материале восстания 1916 года. Аллы Токомбаев показывает в своем произведении национально-освободительный характер восстания и разоблачает предательство байско-манапских руководителей.

★

Киргосиздат выпустил первый альманах на русском языке — «Литературный Киргизстан». В альманахе напечатаны рассказы: «Акый Мергень» Токомбаева, «Кровавые дни» Абдукаримова, отрывок из романа «В те дни» Елебаева, стихи Токомбаева и др.

★

Киргосиздат предпринял издание на киргизском языке произведений величайших русских писателей.

Мукан Елбаев перевел «Хаджи Мурат» Л. Толстого. Узакбай Абдукаимов — «Ревизор» Гоголя, Кубаныч-бек Маликов — «Кавказский пленник» Л. Толстого.

В СОВЕТЕ ЖЕН ПИСАТЕЛЕЙ

Совет жен писателей поставил одной из своих первоочередных задач организацию специального детского сада для детей писателей.

На заседании от 4 августа секретариат союза писателей вынес решение о предоставлении помещения для организации детской работы. В доме писателей по Лаврушинскому переулку будет организован детский клуб. В писательском доме по ул. Фурманова в распоряжение совета жен предоставлена квартира в 6 комнат. Здесь будет организован детский сад.

Секретариат союза писателей предложил Литфонду выделить специальные средства для организации детской работы.

Открытие детских учреждений намечено ориентировочно на конец 1936 года.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
ЮБИЛЕЙНОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
А. С. ПУШКИНА
в 6 томах
Под ред.
Ю. Г. ОКСМАНА
и
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО.

В собрание включаются все художественные, публицистические и критические работы А. С. Пушкина, а также его письма. Издание иллюстрировано лучшими произведениями дореволюционных и советских художников, работающих над иллюстрированием творчества Пушкина, а также снимками с автографов А. С. Пушкина. Выпускается издание в высокохудожественном и роскошном оформле нии.

Условия подписки: цена тома — 20 руб., всего надания — 120 руб. При заказе вносится задаток в размере 20 руб., зачисляемый при выдаче последнего тома. Пересылка за счет подписчиков.

Издание начнет выходить из печати в конце текущего года и закончится выпуском в 1937 году.

Подписка принимается: в отделах подписки и магазинах КОГИЗ'а, а также Главной подписной конторой по адресу: Москва, Маросейка, 7.

ЧИТАИТЕ № 7 (июль)
ЖУРНАЛА
„Театр и Драматургия"
Орган Союза советских писателей СССР

В номере: «Васса Железнова» (о последней пьесе А. М. Горького); **Г. Лукач** — О противоречиях шиллеровской драматургии; **Дж. Г. Лоусон** — Теория и техника драматургии; **Вера Смирнова** — Дети на большой сцене; **С. Розенталь** — Путь актера (о Р. Симонове); **М. Паушкин** — Старый водевиль и его актер; **В. Сахновский** — Работа режиссера; Театральный альбом 1843 года; **Читатель** — Незавершенный замысел; **Мих. Берестинский** — «Путь на восток» (пьеса).

Многокрасочные эскизы художников: **М. Аксельрод** — «Хлопчик» (Театр им. МОСПС); **В. Иванов** — «Отелло» (Саратов); **Е. Мандельберг** — «Перековка» (Театр народного творчества); **П. Оцхели** — «Слава» (Малый театр).

Портреты-дуплекс: **Асмик Акопян, И. П. Гошева, С. А. Самосуд, Н. А. Светловидов** и четыре фото-полосы (монохром) театральных постановок. В тексте около 50 фото-иллюстраций.

ЦЕНА номера 6 рублей

ТРЕБУЙТЕ ЖУРНАЛ В КИОСКАХ СОЮЗПЕЧАТИ И КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ.

Подписка принимается Жургазоб'единением (Москва, 6, Страстной бульвар, 11, инструкторами и уполномоченными ЖУРГАЗ'а на местах, повсеместно почтой и отделениями Союзпечати.

Подписная цена 12 мес. — 72 руб., 6 мес. — 36 руб., 3 мес. — 18 руб.

Подписчикам журнал доставляется в специальной заказной бандероли, обеспечивающей сохранность журнала.

ЖУРГАЗОБ'ЕДИНЕНИЕ.

Уполн. Главлита Б—27713.

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.